

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

НЮРГУН БООТУР
СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ

Народное творчество (Фольклор)

Нюргун Боотур Стремительный

«Public Domain»

Народное творчество (Фольклор)

Нюргун Боотур Стремительный / Народное творчество
(Фольклор) — «Public Domain»,

Величайший памятник якутского народного творчества — олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» воссоздан на рубеже 20-30 гг. основоположником якутской советской литературы Платон Алексеевич Ойунским. В мифологизированных образах олонхо отразилась древнейшая история якутов — скотоводческого народа южного происхождения. Вот почему глубоко оригинальный якутский эпос обнаруживает родство с преданиями других тюркоязычных народов, живущих в настоящее время за несколько тысяч километров от якутов.

Содержание

НЮРГУН БООТУР СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ	5
ПЕСНЬ ПЕРВАЯ	5
ПЕСНЯ ГОРБАТОЙ БЁГЁЛЮКЭЭН	31
САБЫЙА БААЙ ХОТУН	40
САБЫЙА БААЙ ХОТУН	43
БЛАГОСЛОВЕНИЕ АЙЫЫСЫТ	48
БЛАГОСЛОВЕНИЕ АЙЫЫСЫТ	52
ПЕСНЯ СЫНА АБААСЫ	64
КЮН ДЫРИБИНЭ	69
СЫН АБААСЫ	71
ПЕСНЬ ВТОРАЯ	78
ПЕСНЬ ААН АЛАХЧЫН	98
ЮРЮНГ ААР ТОЙОН	108
АЙЫЫ УМСУУР	114
АЙЫНГА СИЭР ТОЙОН	120
АЙЫЫ УМСУУР И МЮЛЬДЮН БЁГЁ	132
НЮРГУН БООТУР	139
ГОЛОС БАЙАНАЯ	141
НЮРГУН БООТУР	151
ГОЛОС СТАРУХИ УОТ КЫНДЫАЛАНА	158
НЮРГУН БООТУР	161
КУОГАЛДЬЫМА КУО	164
ГОЛОС СТАРИКА	167
КЫТАЙ БАХСЫЛААНЫ	177
НЮРГУН БООТУР	182
ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ	185
ЮРЮНГ УОЛАН	187
НЮРГУН БООТУР	188
Конец ознакомительного фрагмента.	191

Якутский героический эпос Олонхо

НЮРГУН БООТУР СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ Дьулуруйар Ньургун Боотур

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Осьмикрайняя,
Об осьми ободах,
Бурями обуянная
Земля – всего живущего мать,
Предназначенно-обетованная,
В отдаленных возникла веках.
И оттуда сказание начинать.

Далеко, за дальним хребтом
Давних незапамятных лет,
Где все дальше уходит грань
Грозных, гибельных, бранных лет,
За туманной дальней чертой
Несказанных бедственных лет,
Когда тридцать пять племен,
Населяющих Средний мир,
Тридцать пять улусов людских
Не появились еще на земле;
Задолго до той поры,
Как родился Арсан Дуолай,
Злодействами возмудивший миры,
Что отроду был в преисподней своей
В облезлую доху облачен,
Великан с клыками, как остроги;
Задолго еще до того,
Как отродий своих народила ему
Старуха Ала Буурай,
С деревянной колодкой на ногах
Появившаяся на свет;
В те года, когда тридцать шесть
Порожденных ими родов,
Тридцать шесть имен и племен
Еще были неведомы сыновьям
Солнечного улуса айы
С поводьями за спиной,
Поддерживаемым силой небес,

Провидящим будущий день;
И задолго до тех времен,
Когда великий Улуу Тойон
И гремевшая Куохтуйа Хотун
Еще не жили на хребте
Яростью объятых небес,
Когда еще не породили они
Тридцать девять свирепых племен,
Когда еще не заклинали их
Словами, разящими, словно копье,
Люди из рода айыы-аймага
С поводьями за спиной —
В те времена
Была создана
Изначальная Мать-Земля.

Прикреплена ли она к полосе
Стремительно гладких, белых небес —
Это неведомо нам;
Иль на плавно вертящихся в высоте
Трех небесных ключах
Держится нерушимо она —
Это еще неизвестно нам;
Иль над гибельной бездной глухой,
Сгущенным воздушным смерчем взметена,
Летает на крыльях она —
Это не видно нам;
Или кружится на вертлюге своем
С песней жалобной, словно стон —
Этого не разгадать...

Но ни края нет, ни конца,
Ни пристанища для пловца
Средь пучины неистово грозовой
Моря, дышащего бедой,
Кипящего соленой водой,
Моря гибели, моря Одун,
Бушующего в седловине своей...

Плещет в грохоте грозном,
Дышит яростью, полыхает огнем
Древнее ложе Земли —
Грозное море Сюнг
С неколебимым дном,
Тучами заваленное кругом,
Кипящее соленой водой,
Мглой закрывающее окоем,
Сонма лютых смертей притон,
Море горечи, море мук,

Убаюканное песнями выюг,
Берега оковавшее льдом.

С хрустом, свистом
Взлетает красный песок
Над материковой грядой;
Жароцветами прорастает весной
Желтоглинистая земля
С прослойкою золотой;
Пронизанная осокой густой
Белоглинистая земля
С оттаявшею корой,
С поперечной балкой столовых гор,
Где вечен солнечный зной,
В широких уступах глинистых гор,
Объятых клубящейся голубизной,
С высоким гребнем утесистых гор,
Перегородивших простор...

С такой твердынею под пятой,
Нажимай – не колыхнется она!
С такой высоченной хребтиной крутой,
Наступай – не прогнется она!
С широченной основой такой,
Ударяй – не шатнется она! —
Осьмикрайняя, на восьми ободах,
На шести незыблемых обручах,
Убранная в роскошный наряд,
Обильная щедростью золотой,
Гладкоширокая, в ярком цвету,
С восходяще-пляшущим солнцем своим,
Взлетающим над землей;
С деревьями, роняющими листву,
Падающими, умирая;
С шумом убегающих вод,
Убывающих, высыхая;
Расточающимся изобилием полна,
Возрождающимся изобилием полна,
Бурями обуянная —
Зародилась она,
Появилась она —
В незапамятные времена —
Изначальная Мать-Земля...

* * *

Коль стану я вспоминать,

Как старый олонхосут,
Ногу на ногу положив,
Начинал запев олонхо
На ночлеге – у камелька,
Продолжал рассказ до зари
Про далекие времена,
Как размножились под землей,
Разъярясь на человеческий род,
Адъарай-абаасы,
Как возник народ уранхай-саха,
Как три мира были заселены...
Коль стану я в лад ему —
Сказителю седому тому,
Как эмисский прославленный Тюмеппий,
По прозванию «Чээбий»,
Стройно сплетать
Словесный узор;

Стану ли стих слагать,
Старому Куохайаану подстать,—

То скороговоркой,
То нараспев —
Так начну я сказанье свое.

На широком нижнем кругу
Восьмислойных, огненно-белых небес,
На вершине трехъярусных
Светлых небес,
В обители полуденных лучей,
Где воздух ласково голубой,
Среди озера – никогда
Не видавшего ни стужи, ни льда,
На престоле, что вырублен целиком
Из молочно-белой скалы,
Нежным зноем дыша,
В седирах белых, как молоко,
В высокой шапке из трех соболей,
Украшенной алмазным пером,
Говорят – восседает он,
Говорят – управляет он,
Белый Юрюнг Аар Тойон.

Подобная сиянию дня,
Подобная блистанью огня,
Солнце затмевающая лицом,
С ланитами светлей серебра,
Играющими румянцем живым,
Как рассветы и вечера,

Адьынга Сиэр Хотун,
Подруга владыки небес,
Супруга – равная блеском ему,
Есть у него, говорят.

Породили они в начале времен
Светлое племя айыы —
Красивых богатырей-сыновей,
Красивых дочерей
С поводьями за спиной.
В улусах солнца они живут,
Стремянные – шаманы у них,
Удаганки – служанки у них,

А в сказаньях седых времен
Прежде слышали мы,
От предков узнали мы,
Что, кроме рода айыы,
За гранью мятежных небес,
За гранью бурных небес,
Летящих с запада на восток,
В кипящей области бурь
Утвердились в начале времен
Прародители девяти племен
Верхних адьараев-абаасы.
Железными клювами бьет
Пернатая их родня.
Родич их – Бэкийэ Суорун Тойон,
Чья глотка прожорливая, говорят,
В завязку шапки величиной;
Небесный ворон Суор Тойон,
Чье горло алчное, говорят,
В наколенник развязанный шириной...

В том улусе, в бездонной тьме,
Под крышею вихревых небес,
За изгородью с теневой стороны,
За большим загоном с другой стороны,
Необузданно лютая, говорят,
Непомерно огромная,
Гневно строптивая,
Гремящая Куохтуйа Хотун
Хозяйкой сидит, госпожой
На кровавом ложе своем.

Если слово ярко-узорно плести,
Если речь проворно вести,
Должен правду я говорить,
Старых сказочников повторить:

У почтенной старухи такой
Был ли равный ей друг-супруг —
В объятьях ее лежать,
Был ли кто достойный ее —
На ложе кровавом с ней
Любовные утехы делить?
Так об этом рассказывали старики:

Дремлет за тучами исполин
С красным наростом над кадыком
В дюжего дитяню величиной;
Из ороговелого горла его,
Из-под грузного подбородка его
Ниспадает до самой земли
Посох вертящийся огневой...
Если рогатину в семь сажений
В бок, под ребра ему
До основанья всадить —
Хлопая себя по бедру,
Всполошенно вскинется он,
С воплем проснется он,
Грозно воссядет он,
Разгневанно ворча, бормоча,
Великий Улуу Суорун Тойон.
Вот, оказывается, какой
Чудовищный муж-старик
Есть у Куохтуйа Хотун.

После великих древних боев,
Всколебавших до основания твердь
Необъятно гулких небес,
Улуу Тойона бойцы-сыновья,
Отпрыски старухи его,
Заселили весь южный край
Завихряющихся в бездну небес.
Тридцать девять их было родов,
Неуемно свирепых задир,
Возмущавших издревле мир
На небе и на земле.

Если стану подробно повествовать,
Старому Аргунову подстать,
Если увлеченно начну,
Как Табахаров, песню слагать,
Воздавая славу тем племенам,
Называя по именам
Рожденных в облезлой дохе
С деревянными колодками на ногах
Матерых богатырей,

Которых подземный мир
Атаманами своими зовет,
От которых из пропасти Чёркёчех,
Из бездны Ап-Салбаныкы
Исторглись бесчисленные рои
Пагубно-кровавых смертей,
Коль об этом начну говорить —
Будет такой рассказ:

Если чародейный аркан
О восьмидесяти восьми петлях,
С силою метнув, захлестнуть
На шеях восьмидесяти восьми
Шаманов, оборотней, ведунов,
Кружащихся, как снеговой ураган
Северных ущербных небес,
И швырнуть их разом
В мглистую пасть
Погибельной пропасти той —
Не набьешь утробу ее,
Не обойдешь коварства ее.

Хлопающий бездонным жерлом
Хапса Буурай – сородич такой,
С захлопывающейся крышкой стальной
Нюкэн Буурай – такая родня
Есть, оказывается, у них.

Всей породе Аан Дарасы
Матерью древней была
Старуха Ала Буурай
По имени Аан Дьяасын,
Прославленная хотун-госпожа,
С деревянною колодкою на ногах
Появившаяся на свет.

У почтенной старухи такой
Был ли ей равный друг,
Достойный в объятиях ее лежать,
Достойный взбираться по вечерам
На высокое лоно ее?
Что об этом предание говорит?
Что об этом поют старики?

Ставший корнем всех
Адъарайских племен,
Отцом подземных абаасы,
Нижнего мира тойон-властелин,
Родившийся в облезлой дохе,

С клыками, торчащими, как остроги,
Луогайар Луо Хаан-великан
По имени Арсан Дуолай
Мужем был у старухи Ала Буурай.

* * *

Далеко, за дальним хребтом
Раздорами обуянных веков,
Когда кровожадные богатыри,
Обитатели бурных небес,
Словно копья молний, резали высь;
Далеко, за дальней чертой
Бушевавших смутой веков,
Когда потомки подземных владык
Рыскали, пасти разъяв;
За пределами сгинувших навсегда
Древних бранных веков,
Когда племена уранхай-саха,
Дети солнечного улуса айыы
Не появились еще на земле,
Тогда, в незапамятные года,
Три враждебных рода богатырей —
Светлые исполины айыы
И враги их – верхние абаасы
И подземные абаасы,
Копьями на лету потрясая,
С воплем сшибались, дрались;
Рогатины всаживали друг в друга,
Рогатинами поддевали друг друга...
Грозовые удары, гром,
Голеней перелом,
Суматоха, переполох
С утра до ночи – день за днем.
Мертвой хваткой за горло душа,
Бедренные кости круша,
Били друг друга в темя и в глаз,
Гнули друг друга до самой земли,
Подымали в воздух, крутя,
Проклиная, стеноя, кряхтя,
Поединки по тридцать суток вели,
По темени палицами долбя,
Понапрасну силу губя,
Побить друг друга они не могли;
Хоть жестокосерды были они,
Бессмертны были они.

Незабываемая никогда
Нестихающая разразилась вражда,
Неслыханная беда...
Кованая секира блеснет —
Раскалывается, гремя, небосвод;
Стрела с тетивы слетит —
Молния полоснет...

Западный ветер крепчал,
Завывал, гудел, бушевал,
По девяти смерчей
Подымал, крутил, низвергал.
Из-под западного края небес
Дождь посыпал, снег повалил.
День не брезжил,
Месяц не светил,
Вставала густая мгла,
Тьма настала, хоть выколи глаз.

Перестали видеть друг друга бойцы,
Стали тьму пустую хватать,
Лягушками шлепаясь на животы,
Жуками торчмя торчать...

Сотрясался высокий свод
Необъятно гулких небес.
Обреченный сонмищу бед,
Средний серо-пятнистый мир,
Завихриваясь в кружение своем,
Захлестнутый морем огня,
Как трясина, зыбиться стал.

Бедственный преисподний мир,
Расплескиваясь, как лохань,
Против движения средней земли
Полетел, закружился, гудя,
Охваченный с четырех сторон
Багрово-синим огнем.
Оттого у него с четырех сторон
Выросли, поднялись
Четыре препоны – стены.

Девятое белое небо,
Объятное голубым огнем,
Расплескиваясь, как вода
В лукошке берестяном,
Обратно движению своему
Выгибаясь, как пятки задок,
От бешеной снеговой пурги,

От мчащейся ледяной шуги
Южным небом, где тучи клубятся,
Где вихри вечно кружатся,
Заслонилося, словно щитом.

С боевыми жилами – что не порвешь,
С кровью, что не прольешь,
С телами – что сталью пронзить нельзя,
С костяками – что сокрушить нельзя,
Дыханьем могучим наделены,
Бессмертьем одарены,
Три великих рода в извечной вражде
Сто веков сраженья вели;
Одолеть друг друга они не могли,
Сильные – изнемогли.

В бесполезной борьбе распалясь,
Как железо в огне, раскалясь,
То и дело стали они
В ледяное море нырять.
И всплывая из глубины,
Журча и сопя,
Дымясь и куясь,
Садились на каменном берегу
Дух немного перевести,
Поостыть на холодном ветру...
Задышались – трудно дышать,
Заикаются – слова не могут сказать,
Дыханье спирает у них —
В полдыхания дышат они.
В истоме головы опустив,
В густом тумане, во мгле,
Словно горы огромные, громоздясь,
Словно горн раздувающие мехи,
Будоража вздохами темную даль,
Стали думу думать они:

– Всколебался высокий свод
Необъятно гулких небес!
Всколыхнулся срединный мир!
Взбаламутился, как в лохани вода,
Подземный бедовый мир
От свирепой нашей вражды!

Покамест беды не возросли,
Покамест не треснули кости у нас,
Попробуем – миром поговорим,
Потремся лоб о лоб,
Добром посоветуемся обо всем!

К чему вслепую биться нам?
Не лучше ли помириться нам? —

Притихшие сидели они,
Пришли в себя еле-еле они.
Переглядываясь исподлобья сперва,
Перебрасываясь словами пошли,
Понемногу речь повели...

С заостренными пальцами на руках,
Для разбоя рожденные абаасы,
Свирепые племена,
Чей предок Улуу Тойон,
Сговорились между собой:

– Нам от людей айыы
Наших злодейств не скрыть!
Догонять нас будут они,
Притеснять нас будут они...
Волкам с собаками в дружбе не жить;
Поселимся вдали от них! —

И ушли, укрылись они
На южном краю небес,
Где в обратную сторону тучи бегут,
Где ураганы ревут;
Там поселились они.

С меховыми подошвами на ногах,
Неслышно крадущиеся по ночам,
Привыкшие грабить и красть
Адъараи, чей предок Арсан Дуолай,
Сказали друг другу так:

– Богатыри улуса айыы
Будут вечно нас в грабеже уличать,
Будут нас догонять, притеснять.
А в глубоких нюкэнах —
В подземной тьме,
В пропасти Чёркёчөх,
Добраться до нас нелегко.
Мы ограбим их, оберем —
И в подземный мир уйдем, западем...
Бездна трех преисподних темна,
Кровля их на укреплениях стальных... —
Так сговорившись, ушли они
В свой бедовый подземный мир.

Старейшины трех великих родов

Стали главарей выбирать,
Неподкупных грозных судей
Для верхних и нижних племен.
Равные властью судьбе —
Владыками трех миров
На вечные времена
Избраны были – Одун Биис,
Чынгыс Хаан
И Дылга Тойон,
А писарем был приставлен к ним
Чудовищный великан —
Длинный Дьурантай,—
Дескать, если подымется
Тяжба иль спор,
Он дознался бы живо – кто вор,
Кулачищем зачинщику погрозил.

* * *

А потом исполины айыы —
Те, кого не выдерживает земля,
Решили жизнь основать
В срединном мире земном,
Навсегда устроить его
Немеркнущую судьбу.

– В жертву отданная до сих пор
Жители преисподних бездн —
Силам адьарайских племен,
Налетающим с высоты —
Силам вечно-алчных небес,
Напастям обречена
Разымчивая на расхват,
Беззащитная эта Земля! —
Так рассудили они.

– Неужель, всемогущие мы, —
Всезнающие,
Всевидающие,
Не устроим жизнь по воле своей
В этом срединном мире земном?
Выбрав из трех первозданных родов,
Надобно поселить
Навеки на средней земле
Быстроногих, чья кровь горяча,
Подпоясывающих свой стан,
Тридцать пять племен уранхай-саха —

С поводьями за спиной,
С немеркнувшею судьбой,
С продолговатым носом людей,
У которых лицо впереди,
У которых на шее легко
Поворачивается голова,
Чьи суставы гибки, связки крепки,
Чье дыханье, словно туман,
В чьих жилах – живая кровь. —
Так устроить жизнь на земле
Приняли решение они.

* * *

Если прямо отсюда идти на восток,
Там, где край лучистых небес —
Пешеходно-слоистых небес
Свешивается к земле,
Словно ровдужная пола;
Где земли конечный рубеж,
Затуманенный синевою,
Загибается вверх, как лыжный носок;
За высокой медной горой,
Где рождается месяц по вечерам,
За серебряною горой,
Откуда солнце встает по утрам,
Где три белых березы растут,
Стройно поставленные, как чэчир,
Матерью природой самой;
В том благословенном краю
Были некогда поселены
Волею верховных владык
Кюн Дьэсегей Тойон
И Кюрё Дьэсегей Хотун,
Дабы там – в раздолье степном,
На приволье том травяном
Развели, расплодили они
Бесчисленные табуны
Белых, длинногривых коней,
Бешено игривых коней,
Чьи округлые копыта тверды,
Чтобы вольно им было пастись
На лугах, у светлой воды.

Если на запад отсюда пойти,
Там, где склоны желтых небес
Свешивают до земли бахрому

Перистых облаков,
Где лежит изобильный край,
Окропленный густой росой,
Словно шитый из кожи жбан,
Клином-швом восходящий вверх;
Там, где девять бурных, могучих рек,
Пробиваясь средь гор и холмов,
Сливаются на просторе степном.
Где восемь еще говорливых рек
Сбегаются шумно в одну реку,
Где семь ручьев из семи лощин
В лиственной зеленой кайме,
Будто за руки ухватясь,
Сходятся в хоровод, —
Владыки айыы поселили там
Великого кузнеца
По имени Куэйттээни,
Чтобы он ковал, мастерил
Тридцати пяти племенам
Боевое оружие, ратный доспех,
Копья, секиры, мечи
С закаленным стальным лезвием;
Чтобы он кольчуги вязал,
Чтобы он доспехи ковал,
Чтобы стрелы крылатые мастерил,
Чтоб колчаны ими набил.

На грани трех сопредельных стран,
На кургане сверкающе-ледяном
О железных трех поясах,
С жерлом на вершине крутой,
Огнем подземных глубин
Полыхает горнило его.
Будто рослую, добрых статей
Кобылицу на третьем году —
Бедненькую – ведя в поводу
В преисподнюю – в темный мир,
Где господствуют восемь свирепых родов,
Повалили вдруг на ходу —
И всадили ей острый нож,
И пустили хлынью алую кровь
На блестяще белый снежок, —
Так горит, полыхает алым огнем
Горнило великого кузнеца.

Будто грузно развалистого на ходу
Пороза, шестилетка-быка,
С железным кольцом в носу,
Хватили обухом в широкий лоб —

И с протяжным мычанием, у столба
На колени падает бык, —
Вот такая огромная в кузне той
Звонкая наковальня стоит.
Четырехгранная толща ее,
Сталью крытая наварной,
Не расплющится под ударом любым,
Не расплавится под жаром любым.
Из широких ворсистых шкур
Сорока четырех жеребцов —
Шумно, не умолкая, гудит
Огромный кузнечный мех.
Насажен на длинную рукоять —
На дюжее бревно,
Словно коновязь во дворе богача,
Где много бывает гостей,
Черный молот великого кузнеца
Неумолчно кует, гремит.

Пронзительно резко визжат
Кривые клещи его.
Неистово скрежещет, шипит
Быстрый напильник его.

Есть жена-хозяйка у кузнеца, —
Честь ей от всех и почет;
Отважная духом – зовется она
Уот Кындыалана;
А сам великий кузнец —
С тяжелым дыханием исполин,
Сильный волей,
Нравом крутой.

Вот такого богатыря,
Говоря ему: – Корнем будь
Рода грозного ковачей! —
Поселили на круче горы,
В клочущем огневом жерле,
В средоточии бедственной, горевой,
Средней серопятнистой земли.

В этом превратном мире земном,
Где не возвратно проходит все,
Где не вечно и зыбко все,
Где беспечные поколения живых —
Надежды и сил полны —
На увяданье обречены,
На гибель осуждены,
Там – на севере, на берегу

Огнемутного моря Муус-Кудулу,
Где ломает прибой
Припай ледяной,
Хрустя, шелестя шугой,
Где на отмели красный песок,
У истока смерти самой,
В глубокой чаще лесной,
В пещере – откуда весь день
Через дуплистый пенъ
Клубится кудрявый дым,
Будто поднимает рога
Трехгодовалый олень,
Там был небожителями поселен
Старец-ведун Сээркээн Сэсэн,
Чтобы зорким оком он был,
Гадателем добрым был,
Предсказателем велений судьбы
Тридцати пяти племенам,
Населяющим Средний мир.
У дивного того старика
Длинная до земли борода.
На глыбах каменного плитняка
Пишет он маховым орлиным пером,
Окунает перо в орлиную кровь...

А за волшебным пером
Приставлена смотреть,
Прислужницей верной быть
Проворная девушка-удаган,
Белоликая дочь небес.

Хозяином-духом живого огня,
Хранителем очага
В жилищах племен айыы
В срединном мире земном,
Полосами раскинувшемся широко
С запада на восток,
Поставлен был старец Аан Уххан,
Нареченный Хатан Тэмиэрийэ,
Улуу Тойона старший сын.
Лиственницей питается он,
Смолистой кедровой сосной.
Синее пламя – дыханье его,
Светло-сивый конь у него под седлом.
С виду он похож на стрелу
С вилообразным концом.
Ввысь клубится
Седая его борода,
Весь искрится он и блестит...

У него на боку большая сума,
В ней сухого трута кусок
С копну сенную величиной —
И огниво в суме, и кремень.
Неразлучны с ним
Покровитель жилья —
Дьэдэ Бахсыланы
И хранительница скота,
Коровника добрый дух —
Ньяадды Ньянханы.
Так с древних времен повелось.
С тех пор любой человек
Из племен уранхай-саха,
Обзаведясь жильем,
Разведя священный огонь,
Славословит, благодарит
Хранителей добрых своих,
Всегда принося им дары
От всего, что есть у него.

Чтобы без числа породил,
В изобилии расплодил
В водах рек, морей и озер
Сверкающие желтою чешуей,
Рассекающие волну,
Неиссякаемые косяки
Многорунных рыбьих пород,
Хозяином всех водоемов земных
Был поставлен старик
Едюгэт Боотур,
Щедрый, тучный,
Искрасна-черный на вид,
С зеленой тинистой бородой,
С рыболовной сетью на дюже плече,
С кузовом берестяным за спиной.
Обдуваемый ветром сырым
Обширный двор у него,
Обложенные гущей молоко
Подводные пастбища у него.
Вот каков был тот исполин —
Водоемов дух-властелин.

А чтобы в бескрайних степях,
А чтобы в дремучих лесах
Разводил, умножал без числа
Разных четвероногих зверей —
Голосистых,
Клыкастых,

Рогатых,
Пушных,
В Среднем мире был поселен
Безбедно щедрый всегда
Курагааччи Сюрюк,
Куралай Бэргэн,
Благословляемый родом людским,
Прославляемый Баай Байанай.

С той поры охотник любой,
Ходящий на двух ногах,
У кого лицо впереди,
Чьи суставы гибки,
Мышцы крепки,
На промысел выходя,
Байаная на помощь зовет:
– Важный дедушка мой, тойон!
Из владений богатых твоих
Навстречу мне выгоняй
Четвероногих зверей
С позвонками в крепкой спине!
Гони их под мой прицел,
Чтобы зверь попал в мою западню,
Чтобы зверь наступил на струну симы,
Чтобы зверя без промаха бил
Мой надежный лук-самострел!
Об этом молю и кланяюсь я
Трем твоим черным теням!

Там, где высится над землей
Непреодолимый рубеж
Трех издревле враждебных миров,
На узорном склоне теплых небес,
Благословенных восточных небес
Поселили владыки айыы
Схожую с крапчатогрудой тетеркой,
Пленяющую сердца
Сияющей улыбкой своей,
Прекрасную в блеске богатых одежд
Праматерь живого всего
Богиню Иэйэхсит.

Хранительницей жилья,
Дарительницей добра,
Покровительницей чадородья – она
В былых временах прослыла.
Рождением и судьбою людей,
Говорят, управляет она.
Ей сила дана,

Дана благодать
Рожденного охранять,
На счастье благословлять.

– Вот идет она к нам
Сама – наяву
Наша матушка Иэйэхсит! —
Говорили в прежние времена...
– С края неба сходит она,
Простирая щедрую длань,
Поглаживая нежной рукой
Серебристые щеки свои;
Радостно хохоча,
Яркой улыбкой лучась,
Нарядясь в дорогие одежды свои,
Идет она в гости к нам! —
Чтобы крепкими дети росли,
Чтоб они здоровьем цвели,
Чтобы выросли богатыри,
Надо, чтобы полон был дом
Изобилием и добром,
Желтым благом и молоком.
Вот для этого властелины айыы
На приветливом просторе земли,
Где вечное лето цветет,
Под крапчатым склоном крутым
Восточных теплых небес,
Рядом с матерью Иэйэхсит,
В средоточии медном,
В истоке щедрот,
Чэчирами желтыми окружив,
Водворили жить и владеть
Светлую Айыысыт Ньэлбэн,
Почитаемую Айыысыт Хаан.

Дабы размножала она
Беспредельно бездонную для людей
Неисчерпаемую благодать,
Тучное богатство земли,
Чтобы расплодила она
В Среднем мире,
В бескрайней шири его
Бесчисленные стада!

Душу девочек пристрастив
К острой игле и шитью,
Душу мальчиков пристрастив
К стрелам, боевому копыю,
Поколение за поколением хранит,

Взрачивает Айыысыт.

С той поры все, в чем доме
Дети растут,
В чем хлеву коровы мычат,
Айыысыт благодатную чтут,
О помощи заклиняют ее,
Дарят ее, угощают ее,
Ставя в честь ей желтый чэчир,
Песни о ней поют.

Прямодушная, чей кроток нрав,
Чья мысль, как мир широка,
Чьи щедрые грудные соски,
Как кумысные кожаные мешки,
Появившаяся на свет
С накинутой легко
На дебелие плечи дохой
Из отборных рысьих мехов,
В высокой шапке из трех соболей,
Украшенной пером,
Назначенная оживить
Нагую земную ширь
Травной зеленью,
Пышной листвой,
Прославленная хотун
Аан Алахчын,
Манган Манхалыын,
Была в изначальные времена
В Среднем мире поселена.
Дети бесчисленные у нее —
Духи деревьев и трав.

И с тех пор — кто бы ни был он —
В день разлуки с родной страной,
Собираясь в далекий путь,
Покидая родимый кров,
Призывал на помощь Аан Алахчын,
Поклонялся трем ее темным теням,
Благословенья просил у нее.
После этого лишь покидал свой предел,
Уходя в безвестную даль.

* * *

Теперь расскажем о том,
Как родился Нюргун Боотур.

Прежде рожденья его,
В древние времена
Главари трех великих родов
Сговорились брань прекратить
И такой друг другу дали обет:
На трехсводных ли небесах,
В преисподних ли пропастях —
Где б ни родился
Дерзкий наглец,
Что, силой своей гордясь,
Взбудоражит бегущую твердь
Необъятно гулких небес,
Осмелится пошатнуть
Основу вселенной,
Опорную ось
Кружащихся трех миров,
Обиталище трех родов,
И нарушит святой договор,
То следует этого наглеца
Железной уздой обуздать,
Волшебным арканом связать,
Проклятью тройному предать
И за дерзкое озорство осудить.

У великого Айынга Сиэр Тойона,
Чье дыхание – нежный зной,
Восседающего на вершине самой
Трехъярусных белых небес,
В шапке из трех соболей
С блистающим высоким пером,
И у прекрасной супруги его,
У жены властелина небес —
Подобной ликом своим
Отблеску вечернего солнца,
Подобной видом своим
Блеску восходящего солнца,
Айыы Нуоралдыын Хотун,
Родился сын-богатырь.

Непомерно тяжелое бремя свое
Не под силу ей было носить.
Задолго до девятилунной поры
Из чрева прекрасной хотун,
Расторгнув утробу ее,
Одержимо неистовством бунтовским,
Выкатилось каменное дитя,
Звонко, отрывисто хохоча,
Пронзительно крича:

– Эй вы, черные плуты,
Лукавые псы,
Навыорот мыслящие лжецы,
Объедалы – готовые мир сожрать,
Судьи и господа!
Кого вы вздумали испугать,
Кого обуздать,
Проклятью предать?
Вот пришел я – вам на беду!
По вашему грозному я суду
Вброд, как по мелкой воде, пройду!
Растопчу я, вихрем смету
Племя верхних абаасы,
Раздавлю жилища и очаги
Нижних абаасы,
По ветру развею золой
Солнечный род айы...
Очень уж разбогатели вы,
Вознеслись, обнаглели вы,
У пешего посох, у конного плетъ
Вздумали отбирать?
Потучнели вы, растолстели вы,
Растопырились чересчур,
Видно с жиру взбесились вы!
Ох, и задам я вам!

Я заставлю Верхний надменный мир
Голосить, вопить!
Я заставлю подземный мир
Скрежетать и выть!
Я реветь заставлю
Средний мир!—
Так, ногами суча,
Кулаками стуча,
Каменное кричало дитя.
Услыхав угрозы его,
Недра подземных бездн
Загудели, завывали, дрожа;
Нижний мир от ужаса завопил.

Южный склон превратно бегущих небес
Встревоженно загремел.
Средний, серопятнистый мир
Всколебался весь, заходил,
Растрескался широко...

Встревожились, поднялись
Прародичи трех родов,

Старейшины, главари,
Заговорили они:

– Горе нам, братья!
Досада, беда!
Злые он изрыгает слова!
Из чрева матери выйдя едва,
Угрожает, мошенник, миру всему...
Видно, злобный от роду нрав у него,
Видно, мысли наизворот у него!
Пусть определяет Одун Биис,
Пусть повелевает Чынгис Хаан,
Пусть решает Дьылга Тойон!
А самим судить не под силу нам,
Судьба не подвластна нам.
Пусть решают те, кому сила дана,
Судят те, кому власть дана! —

Так сговаривались главари
Свирепых южных небес.

И старейшины подземных родов
Совещались между собой:
– Отзовемся ли недобром
Об отпрыске соседей своих?
С тяжелым дыханьем богатыри,
С тяжелым нравом они —
За обиду будут взыскивать с нас.
Пусть великий Одун Биис
Сам судьбу его предрешит!
Тут и мы не останемся в стороне,
Поступим по воле своей... —
Так сговаривались главари
Подземных абаасы.
Вняв речам трех великих родов,
Одун Биис, Чынгис Хаан, Дьылга Тойон
Изъявили волю свою,
Повелели божественно нежным шести
Удаганкам, ворожеям
Высоких белых небес,
Освятительницам, отгоняющим зло
От восьми двухслойных небес,
Полосато-извилистым вервием,
Чародейным арканом младенца связав,
В преисподнюю сбросить его,
Туда, где древние три
Железные колыбели стоят,
Чтоб решилось – в которую он упадет,
Чтоб в судилище трех колыбелей тех

Определилась его судьба.

Шесть божественно нежных шаманок,
Шесть небесных белых сестер,
Полосато-извилистый взяв
Нервущийся волшебный аркан,
Захлестнули, связав по рукам и ногам,
Яростное каменное дитя
И вздохнули, заклятие произнеся...
Трехслойный серебряный потолок
Высокого дома владыки небес
Чуть не рухнул с крепких опор,
Шестислойный каменный пол
Пышно украшенного жилья
Чуть не треснул по середине своей,
Восемьдесят восемь
Толстых столбов
Пошатнулись, едва устояв,
Девяносто девять могучих подпор
Чуть не обвалились, дрожа, —
Такой раскатился гром,
Будто огромный утес
Треснул под ударом грозы
И рассыпался, словно камень дресвяк...

Раскололся небесный свод,
Облако разорвалось,
Зевом разъялся Верхний мир.
И вот – из проема небес,
Из пролома западных бурных небес
Ливень со снегом начал хлестать,
Ветер завыл, засвистел;
Свет застилая,
Смерч снеговой поднимая,
Стоголовый вихрь закружил, загудел...
Словно черные волосы, вставшие дыбом,
Прах земной в высоту взвился.
Вопли, крики, неведомо чьи,
Раздавались в сумятице вихревой...
Будто разорванные в клочки
Косматые шкуры огромных зверей,
Клокастые тучи неслись,
Мчались, как черный поток...
Под седой, вихревой каймой
Северных ущербных небес —
Там, где девять мысов вдались
В холодный морской простор,
Бездонный раскрылся провал...
Бедное каменное дитя,

Рожденное на небесах,
Задыхаясь, плача, крича,
Покатилось в темный пролом —
По крутому склону его,
По каменным уступам его;
Цепляясь ручонками кое-как,
Ковыляя на четвереньках, ползком,
Удержаться пытаюсь на крутизне,
Обрывалось, падало вниз головой,
Скатывалось кувырком
Все дальше и дальше вниз...
Цепенеющее от страха дитя,
Кубарем пролетев
По горловине подземных глубин,
Попало в схватывающий пищевод,
В заглатывающее жерло
Перевала Хаан Дьалыстыма...
Кровь у подножья его
Черная – запеклась.
Там – на огненном лоне абаасы,
На островершинной скале,
Что бешено кружится всегда,
Подпрыгивая на вертлюге своем,
Три ели железных растут,
Словно три остроги торчат.
На их могучих кривых корнях,
Торчащих из-под земли
Наподобье когтистых лап,
Три железные колыбели судьбы,
Как железные рыбы подземных морей,
Нанизанные на рожон,
Бьются, подпрыгивая и дребезжа.
И вот докатилось дитя
И упало в одну из трех
Колыбелей, губительно роковых.
И поднялся злобный дух Чёркёчёх,
Злорадно захохотал...

Отвратительная обличьем своим
Подземная ворожея,
В косматых растрепанных волосах, —
Голова, как сарай
Из ветвистых жердей, —
Сырая от кровавой росы,
Крюкастые когти,
Дымный хвост,
С тройным горбом на спине —
Старуха лихая Бёгёлюкээн
Впрысочку подошла,

Покачивать колыбель начала;
Мотая косматою головой,
Дурманя ворожкой,
Песенку завела.

ПЕСНЯ ГОРБАТОЙ БЁГЁЛЮКЭЭН

Исиллигим-тасыллыгим!
Башка худа – совсем беда!
Бай-бай, сынок, засыпай!
Бай-бай, богатырем вырастай!
Отращивай побыстрей
Железные крючья когтей!
С восходом солнца вставай,
Кровожадная сила,
Грозная мощь!
Бросающих тень от себя,
Мелькающих убивай!

Ой, горе мое,
Ой, хворь моя!
Исиллигим-тасыллыгим...
Да будут неломкими кости твои,
Неразрубаемым – тело твоё,
Непроливающейся вовек
Да будет кровь твоя!
Бессмертную мощь обрета,
Без жалости, играя, шутя,
Губи, круши,
Дави, души,
Всех живых —
И добрых, и злых
Людей улуса айыы
С жалостливым сердцем в груди,
С поводьями за спиной!
Убивай,
Ломай им хребты,
Все их племя прахом развей!

Ох, качанье мое,
Сгибанье мое...
Ноет спина...
Совсем я больна,
Лютым голодом голодна.
Неугомонно лихих,
Резвых и молодых,
Подпоясывающих свой стан
Людей улуса айыы
Подстерегай, убивай,
Кости им сокруши,
Света жизни лиши,
Очаги потуши!

Ох, качанье мое,
Сгибанье мое!

Изворотлив будь,
Оборотлив будь...
На гнездо адьараев
Ногой наступи,
Как лохань, его опрокинь,
Вырывай у них из клеток грудных
Сердца и легкие их,
Выломай челюсти им,
Вырви длинные их языки,
Больше их подбрасывай мне —
Бедной, старенькой няньке твоей,
Чтобы не о чем было мне горевать,
Чтобы весело было мне пировать!
Ох, неожиданный мой,
Негаданный мой...
Ой и плохо мне,
Суматоха мне!
В преисподней мире,
В подземной тьме
Адьяраев искорени,
Дочиста их перебей!
Жирные их спинные мозги,
Многожилые их сердца,
Клубящиеся их языки
Подавай мне за то,
Что качала тебя,
Хоть с голоду подыхала сама,
А не покидала тебя!
Култыхаюсь я,
Задыхаюсь я...
Где вы, жуки, козявки мои?
Вы кишели кишмя,
Торчали торчмя —
И вывелись, извелись...
Эй, лягушки мои,
Растопырки мои...
Тяжко мне,
Душно мне...
Баю-бай моей пятерне... —

Только песню эту
Пропела она,
Мира Верхнего главари
Услыхали, встревожились,
Заговорили
Матёры богатыри:

– Наконец, видать,
Народился он —
С беспредельной силою исполин!
Не к добру рождение его!
Взбудоражит он Верхний мир,
Выворотит затворы его,
Собьет засовы с наших ворот!
Разорит он подземный мир,
Истребит он срединный мир,
Он – дерзкий – вывернет три кольца,
Что держат три мира в одной руке.
Непоправимая будет беда,
Вселенная распадется тогда,
Светопреставление пойдет!

Уродился, как видно,
Задорный и злой
Удалец, озорник, игрун —
Кулут Туйгун Боотур,
Угрожающий небесам и земле —
Хаан Сабыдал Бухатыр,
Могущий разрушить мир,
Эсэх Харбыыр,
Эркен Баатыр,
Чье подножье – гибель и смерть...
Что будет он рожден, сотворен —
Древнее предсказанье есть.
Неужто этот ребенок рожден?
Не может иначе быть!
Немедля должны мы решить,
Как его нрав укротить. —

Долго думали мудрецы
И надумали, наконец!..

На железной, высокой, крутой,
Содрогающейся мятежной горе,
Не прикрепленной ничем
К краю слоисто белых небес,
Не опирающейся ничем
На светло-белесый мир земной, —
Лишь клубится мгла у подножья ее, —
Вот на этой железной горе,
Кружащейся, как вихрь,
Держащейся кружением своим,
Чародейной силой своей,
На восьмигранном столбе
Блестит дом золотой,

Белеет обширный двор
Охранительницы небес —
Удаганки Айыы Умсуур,
Нюргун Боотура старшей сестры.
Вот на этот двор,
Под ее надзор,
В каменную несокрушимую клеть
Младенца перенесли,
Чародейным арканом его окрутив
О тридцати девяти узлах.
Каменной клетки железную дверь
Поставлен был сторожить
Без умолку говорящий
Идол, красною медью блестящий,
С конскую голову величиной.
Чарами удаганки небес
Погруженное в непробудный сон,
Покоилось в темной клетки дитя,
Не зная детских игр и забав,
Вырастая в чудесном сне,
Сил набираясь во сне...

Боялись владыки айыы:
Если с Верхнего мира
Ветердохнет —
Проснется младенец,
Бед натворит.
Из подземного мира
Потянет сквозняк —
Тоже добра не жди.
Если Среднего мира
Воздух густой
Ветром его обдаст —
Не оберешься хлопот.
И еще к нему приставили трех
Исполинов-богатырей.
Верхнюю сторону должен один
От сквозняка затыкать,
Нижнюю сторону должен другой
От сквозняка затыкать,
Третий должен был с боковой стороны
Ветру путь преграждать.
Если в Верхнем мире
Родится беда,
Если в Нижнем мире
Вспыхнет вражда,
Если в Среднем мире земном
Кровопролитье пойдет —
То, коль скажет Чынгыс Хаан,

Прикажет Дылга Тойон,
Одун Биис повелит, —
Нюргун Боотура освободят,
Чтобы злую силу он укротил,
Чтобы Средний мир
Сохранил, защитил...

* * *

Стали думать старейшины рода айыы,
Кого избрать, поселить,
Кого высокой судьбой одарить
В Среднем мире земном
С восходящим солнцем,
С густою травой,
С зеленеющей листвой.
Кто достоин корнем стать на земле
Рода людей
Уранхай-саха?
Чтоб людей породить на земле,
Из улуса солнца,
Из рода айыы
Был избран Саха Саарын Тойон,
А подругой ему дана
Сабыйа Баай Хотун.
Боги их поселили там,
Где, ниже высоких гор
На восток опускается край
Пешеходно-слоистых небес,
Где, как одежды ровдужной край,
Полосами пестрыми окаймлен,
До земли спускается небосклон;
Там, где влажно-росистый угол земли
Загибается вверх, как концы
Свилевато широких лыж.

В светозарной той стороне
Осьмикрайняя, на восьми ободах,
Белая равнина блестит.
Там неувядающая никогда,
Не знающая изморози ледяной,
Зелень буйная шелестит.
Там высокое солнце горит светло,
Никогда не падает снег,
Никогда не бывает зимы.
Лето благодатное там
Вечное изливает тепло.

Опереньем ярким блестя,
Турухтаны порхают там,
Молодые утки с озер
Табунами взлетают там,
Голуби не умолкают там.
Неиссякаемая благодать
Изобильем вздымается там,
Вечный пир кумысный кипит, бурлит.
Девять длинных веревок волосяных
Между коновязей натянуты там
И поставлен кругами зеленый чэчир
Вокруг цветущих полян,
Словно густоватистый лес.
Как глубокое озеро, выставлен там
Заповедный кумысный чан.
Там в низинах – творожная топь,
До вертлюгов неукрошенным коням,
Из молочной гущи солончаки
До колен ездовым коням.
Синим маревом курится даль,
Жаворонками звенит.
Красуется, светом напоена,
Привольная эта страна.

Посреди земли
Становье-жилье;
Где броды по дну широких рек
Как натянутая тетива,
Где на пастбищах волнами ходит трава,
В средоточии той страны,
На печени золотой
Осьмикрайней, на восьми ободах,
Гладко широкой,
Ясно высокой
Средней земли матерой,
На медном возвышенном месте ее,
На серебряной середине ее,
Над которою никогда
Не веяла никакая беда,
На блистающем пупе земли,
Где ласков полуденный зной,
На высокой хребтине ее,
На вздымающейся груди земляной,
На вздувающимся загривке ее,
На широком затылке ее
Силою исполинов-творцов
Сотворенно построен был
Тринадцатистенный дом

Из цельного серебра,
Полный всяческого добра;
Сверкая кровлею золотой,
На девяносто сажень в длину
Раскинулся этот дом,
На расстояньи дневного пути
Видимый отовсюду кругом;
Чтобы вольно вливался в него поток
Девяноста лучами дарящего свет
Белого солнца дня,
Девяносто окон больших
Прорублено в доме том,
Равного которому нет.

Избранная волей богов,
Предназначенная стать на земле
Корнем племен уранхай-саха,
Прекрасная молодая чета,
Чарами матери Айыысыт
Чадородья жаждой полна,
Страстью созидания
Одухотворена,
Вошла в уготованный ей
Просторный нарядный дом.

Распахнули дверь в высокий покой —
Мехом белым покрытое ложе там,
Собольих мехов одеяло на нем,
Соболя подушка на нем.

Им желанье покоя не даст,
От него не укрыться им.
Из глубины своих недр
Вожделением загорелись они.
Верхние одежды
Пальцами рук
Сбросили мигом с себя.

Исподние одеянья свои
Тыльными сторонами рук
Разметнули, скинули прочь.
Развязались
Нагрудные украшения их,
Распались
Набедренные украшения их,
Бряца бисером и серебром.

Развязались
Украшенные шитьем

Натазники в бахrome.

Позарившиеся друг на друга бедняжки,
Не помня себя, обнялись,
Пали на ложе из белых мехов,
На ложе из полосатых мехов.
Пламя богини Айыысыт
Их нестерпимо палит.
Шумно, с посвистом, задыхаясь,
Обнюхивали друг друга они.
Пока не иссякла в них сила-мощь,
Ласкали друг друга они.

У бедной женщины молодой,
Встрепенувшейся от любовных утех,
В святилище утробы ее,
Где, как завязь плода в цветке,
Возникая, растет человек,
Мальчик и девочка – близнецы,
Две жизни и две души,
Величиной с головку ковши,
Словно влитые,
На сокровенном дне
Глухой утробы ее
Забились,
Стали расти.

Сабыйа Баай Хотун,
Прародительница племен,
Забрюхатев,
Стала степенно ходить,
Неторопливо стала ходить,
Горделиво стала ходить.
Быстро бремя ее росло,
Быстро время ее пошло —
За первые сутки
Первый месяц,
За вторые сутки
Второй месяц,
За третьи сутки
Третий месяц,
За четвертые сутки
Четвертый месяц.
На пятые сутки,
Как на пятый месяц,
Округлился ее живот,
На шестые сутки она
Двигалась тяжело,
На седьмые сутки

Поблекла лицом,
На восьмые сутки она
Стала не домогать,
На девятые сутки с трудом
Стала бремя свое подымать.
На десятые сутки ей
Сделалось невмоготу тяжело,
Поясницу будто огнем обожгло,
Принялась она охать, стонать,
Первые схватки у ней начались,
Предродовые потуги пошли.
Содрогалась она,
Металась она...
Наступило время на помощь звать
Айыысыт – великую мать.
Плакала, причитала она...
Наступило время молить
Защитницу Иэйэхсит.

САБЫЙА БААЙ ХОТУН

Аай-аайбын! Ыый-ыйбын!
Облегчите боль хоть на час один!
Нестерпима ужасная боль моя...
Не выживу я...
Не выдержу я...
Черноусый мой муж-тойон,
Муженек-дружок!
Здесь – в просторном доме своем
Со священным пылающим очагом,
Народив потомство тебе,
Надеялась, думала я
На благодатной этой земле,
На изобильных угодьях ее
Счастливой хозяйкой стать,
Без числа на широких лугах
Откармливать тучных коров,
Огораживать загоны для них —
Думала я, надеялась я
Долгую жизнь прожить,
Довольство, счастье вкусить...
Да напрасно, видно, надеялась я!
Погасло белое солнце мое,
Серебряный оторвался кружок
С высокой шапки моей.

Ты останешься – я уйду...
О, какая боль внизу живота...
О, нестерпимая боль
В потных моих пахах,
В нижних ребрах моих!
Чем я эту боль отведу?
Все же предуказано нам,
Божественной силой приказано нам
Обосноваться навек
В восьмибодном мире земном...
Нам исчезнуть не суждено,
Нам – высоким, с немеркнувшею судьбой,
Еще будет счастье дано...

Выйди из дому поскорей,
Дорогой мой супруг-тойон,
Прямиком иди на восток.
Там, среди равнины, стоят
Три молочно белых холма;
На одном из них

Березка растет
С трепещущею листвою,
С развилкою двойной.
Вырви с корнем березку
И мне принеси.

Нагадала я,
Увидала во сне:
Приметы есть у меня —
Придет к нам счастье! Придет!

Как принесешь березку сюда,
Сучья, ветки у ней обрубь,
Вытеши двухразвилыстый кол
И выставь передо мной.
В землю вбей двухразвилыстый кол,
Сделай зыбку просторную с желобком,
На развилы зыбку повесь. —

Проворно Саха Саарын Тойон
Исполнил просьбу жены:
Вырвал с корнем березку,
Домой принес,
Споро за работу взялся.
Опору для зыбки вытесал он,
Надежно в землю забил,
Стал потом колыбель мастерить,
Корпеть, мудрить,
Тесать, долбить.

Прародительница племен,
Только боль отпустила ее,
Воссела, раскрыла постель
Из полосатых шкур...
В восемь чоронов больших,
Украшенных узорной резьбой,
Из которых пьют кумыс на пирах,
Желтого масла она налила
И с поклоном поставила их
У изголовий восьми
Оронов вдоль стен жилья,
Чтобы защитница Айыысыт,
Радуюсь, что ожидают ее,
Что радушно встречают ее,
Благожелательности полна,
Мольбам горячим вняла,
На землю низошла.

Потом прародительница племен

Сабыйа Баай Хотун
Вынесла из кладовой
Свою волочащуюся по земле
Долгополую рысью доху
С оторочкою дорогой,
В которой – пуд серебра.

Нашейные украшения свои,
Драгоценные ожерелья свои,
Подвески, пластинки и филигрань
Бережно разложила она,
Чтобы на солнце сверкали они,
Чтобы радужно заиграли они,
Чтоб улыбались они.
Поклонившись трижды потом на ходу,
Поставила перед собой
Высокую шапку из меха бобра,
Где ость горит
Холодным огнем.
На высокой шапке солнцем блестит
Бляха чеканного серебра;
Радугой переливаясь, на ней
Красуется шитый
Красный узор,
Еще девушкой, в этой шапке она,
Надев ее слегка набекрень,
Ходила – легка, стройна,
Красивую голову свою
Горделиво откинув назад...
Предназначенная в будущем стать
Прародительницей племен,
Стройными десятью
Пальцами белых рук, —
Будто десять горностаев, они
Свисают головками вниз, —
Серебристыми ладонями рук
Поглаживая себя по щекам,
Поглядывая большими глазами
На черные косы свои
В восемь маховых сажений,
Распуская пышные их концы,
Ровными зубами блестя,
Выговаривать слова начала,
Тихо про себя напевать.

САБЫЙА БААЙ ХОТУН

Дьээ-бо!
Дьээ-бо!
Дух обступающего меня
Доброго жилья моего,
Под столбом опорным его
Вольно возросший
Дьэдэ Бахсыланы,
Во имя мое, на счастье мое
Плечом толкни,
Широко распахни
Плотно захлопнутую дверь,
Тяжелую дверь свою!..

Осьмиободной, осьмиокружной,
Гладко широкой,
Щедро высокой
Матери изначальной – Земли
Хозяйка с начала времен
С посохом золотым,
Изливающая желтую благодать
Аан Алахчын
Манган Манхалын,
Заступница дорогая моя,
Бабушка седая моя,
Поспеши придти,
Меня защити!
Прясло тяжелое разбери,
Тугой заплот отвори!..
Если мне суждено
Человеком стать,
Женщиной уранхайской быть,
В радости жить,
Счастье узнать,
То открой передо мной
Крутой перевал,
Где жертвою за меня
Чернеет хвост вороного коня,
Виднеется грива коня!

Обитающая в блаженной стране,
Где блистает неувечереющий день,
Где яркое солнце весны,
Как широкого меча полоса,
Где белое солнце зимы,
Как секира-саабылаан

Взлетает, восходя,
Где тихое лето всегда,
Где тучная зелень всегда,
Где растет густой пырей и острец,
Где в неблекнущей высокой траве
Потеряется трехлеток телец,
Где злак луговой
Высотой до бедра
Четырехлетка коня,
Где лужи из крепкого кумыса —
Из перебродившего кумыса
Вскипают, плещут, шипя
Через холку осеннего жеребка —
Бурого стригунка;
Обитающая в высокой стране
Мать Иэйэхсит,
Призываемая женщинами молодыми,
Прославляемая пожилыми,
Защитница Айыысыт,
Помоги!
Настала пора
Расстаться мне с костью моей,
Настала моя пора —
Дитя на свет породить!

Ты до рассвета дня
Скотный мой варок огляди,
Ты до восхода солнца дня
Конный мой загон огляди!
Двухлетнею обернись
Кобылицей небесных полей,
Кобылицей сивенькой обернись
С округлыми мышцами на груди,
Играющими на бегу,
С крепкими бедрами налитыми,
Со стрелками на оплечьях крутых,
С яблоками на широких боках,
С полоской узорчатой на спине,
С отметиной божества
На крепких ребрах твоих,
С крапинами на крыльях ноздрей,
С белой звездой на лбу!
Кобылицей резвою обернись
И ко мне сойди, прибеги
С высокого перевала небес!
Явись,
Покажись наяву!
В виде своем
Войди в мой дом,

Погляди на мою раздольную жизнь,
На обильную благодать!..
Дарующей добро
Дланью меня погладь,
Жизнь принеси,
Защити, спаси!

Склонись надо мной,
Рокочи, заклинай,
Благословляй,
Силу мне дай!

На мягкие колени свои,
На шерстистые колени свои
Положи меня, укачай,
Счастье наворожи!

Сына, горячего нравом,
Грозного богатыря
Дай мне родить!
Дочку-красавицу
Дай мне родить!

В тяжкую пору мою —
Ласково со мной
Человеческой речью заговори!
На ложе моем травяном
В ногах моих посиди,
Угощением не побрезгуй моим,
Благосклонно отведай его!

О, как нестерпимо опять
Схватывает жестокая боль!
Как затрепетала во мне
Крепкая, черная печень моя...
Как сильно забилося в груди
Многожильное сердце мое... —

Так пела, взывала она
К благодатной Айыысыт.
Так причитала, стонала она,
Призывая Иэйэхсит.
Теплый воздух
Повеял с небес,
Закружились клубящиеся облака,
Опустились до самой земли.
И вот, почитаемая везде,
Небесная жизнедарящая мать —
Ньэлэгэлдин Иэйэхсит,

Ньэлбэн Айыысыт,
Белой, как молоко,
Кобылицей оборотясь,
С облака сошла,
Прискакала к урочищу первых людей,
Прянула на дыбы,
Глянула в их золотое жилье,
В их серебряное гнездо.

И поемным лугом она понеслась,
Поболонь кругом она понеслась,
Трижды стойбище обежала кругом,
Трижды фыркнула потом —
Пал на землю стодневный
Палящий зной...
А как трижды звонко
Проржала она —
Выпала на три года окрест
Молочно-белая влага с небес...
Трижды шумно встряхнулась она —
И маревом синим подернулась даль...
На обширном лугу-түсюльгэ,
Где хозяин готовил пир,
Где молочный омут кипел,
Кобылица небесная, встав на дыбы,
По-журавлиному встав
На задних копытцах своих,
Полморды сунула в полный турсук,
В бурлящий кумысный мех
И большими глотками пить начала,
Булькая и журча.
Потом, глубоко вздохнув,
Подбежала к просторному дому их,
Голову просунув свою
В распахнутое окно.
Трижды фыркнула —
И широкий чан,
Поставленный посреди жилья,
Кумысной влагою
Сам собой
Наполнился до краев.

О протянутую веревку – сэлэ,
К которой привязывают жеребят,
Как будто споткнулась она...
И вдруг – обернулась она
Прекрасной женщиной-госпожой,
Статной нарядной хотун,
В дом горделиво вошла;

Душу мальчика
В виде пернатой стрелы
Скрывая в правой руке,
Душу девочки
В виде ножниц двойных
Скрывая в левой руке,
Поступью неслышной вошла,
По воздуху проплыла
В серебряное людское гнездо,
В просторное золотое гнездо.

Вея миром,
Дыша добром,
К изголовью женщины молодой
Приблизилась она,
Благословение произнесла,
Ворковать, колдовать начала.
Помощь айыы
Призывала она,
Все громче пела, вещала она...
С благословеньем раскрыв
Оборчатые полы одежд
На бедрах Сабыйа Баай Хотун —
Прародительницы племен,
Миротворная Айыысыт
Проворно стянула с нее
Наколенники из рысьих мехов,
Из отборных рысьих мехов,
Раздвинула колени у ней;
Благотворной дланью своей
Стала оглаживать ей живот...
И, кивая в лад головой,
Уранхайской речью людской
Заклинанья петь начала,
Слово тайное произнесла.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ АЙЫЫСЫТ

Уруй-айхал!
Уруй-мичил!
Ну, так и быть —
Тебе не тужить!..
Счастье сулит вокруг
Сочный зеленый луг...
Эй – это я,
Иэйэхсит,
Защитница твоя —
Крепких детей тебе подарю,
Крепкую радость тебе принесу...
Нарын-наскыл!
Кюэгел-нусхал!

Что ж – так и быть —
В счастья вам жить!
Это я сама —
Айыысыт
Услыхала тебя,
Пришла,
Удачу тебе принесла.
Погляди вокруг —
Зелен сочный луг...

Вам, дюжим детям моим,
Нарождающимся на свет,
Счастье сулю,
Удачу дарю,
«Уруй-айхал» говорю!
Чтоб тебе на будущие времена
Сильное потомство родить,
Бесчисленно расплодить,
Чтоб на девять веков ты могла
Крепкую коновязь установить,
Чтобы десять грядущих веков
Сыновья твоих сыновей
Вспоминали тебя,
Прославляли тебя, —
Я утробу раскрою твою,
Я колени твои
Снежно-белые распахну,
Плоду твоему
Стезю укажу.
Уух! Дитя мое,
Долгая жизнь тебе!

Уух! Дитя мое!
Уруй-айхал! —

Только молвила эти слова
Добрая Айыысыт,
Бедняжка Сабыйа Баай Хотун,
Вскрикнув, словно степной кулик,
Напряглась из последних сил —
И вдруг из утробы ее,
Из трехслойной матки ее
Выскользнуло дитя,
Донельзя красивый сын,
С восьмилетнего величиной,
С девятилетнего величиной
Выкормыша богатырской семьи,
С упрямой большой головой
В кудрявых серебряных волосах,
Падающих на лопатки его.
Выскользнул сердитый крикун
Из материнских недр,
Порывисто биться стал,
Руками-ногами сучить,
Кричать, реветь, голосить.
Как большая рыба, зимой
Вытащенная из полыни,
Прыгает, бьется об лед
Плесом и головой,
Так новорожденное диво-дитя,
Неумно кувyrкаясь и вертясь,
Грохнулось об пол жилья.

Каменные восьмислойные балки
Вздымающегося высоко
Громадного дома их
Содрогнулись,
Треснули по углам;
Восемьдесят опорных столбов
Пошутнулись
И сотряслись;
Толстый серебряный потолок
Подпрыгнул на три вершка,
Пол, на диво сплоченный
В семь слоев,
С гулом осел
На восемь вершков.
А ребенок проворно на ноги встал,
Прямиком к дверям побежал.
Тут Саха Саарын Тойон —
Сотворивший сына такого отец,

Смирно сидевший в углу,
В смятении с места вскочил;
Будто поднятый из берлоги своей
Свирепый лесной медведь,
На дитя навалился он.

Проворно на руку намотав
Волосы вьющиеся его,
Будто бьющегося жеребенка —
Лягающегося жеребенка
За гриву крепко схватив,
Сына к себе притянул;
В цельную шкуру коня
Отбивающегося завернул,
Длинным арканом волосяным
Крепко его скрутил.
— Так и надо! Неужто я
Не могу схватить его,
Удержать?
Да неужто дам убежать
Бедному дитяtku моему? —

Так Саха Саарын Тойон
В возбуждении радостном говорил,
Глазами вокруг себя
Поводя, как пугливый конь,
Удивляясь, что стал отцом,
Радуюсь детищу своему.
Поглядел потом на жену
И увидел диво еще:
Девочка невиданной красоты,
С неумным нравом крутым,
Подпрыгивая на спине,
Лежит у жены в ногах,
Пронзительно крича,
Дескать — я появилась на свет!
Жить хочу,
Расти, цвести!..

Прародительница племен —
Сабыйа Баай Хотун,
В полубмороке, посинев,
От мук остолбенев,
Дух облегченно перевела...
Просветлело у ней в глазах;
В цепкие ладони свои,
В крепкие ладони свои
Девочку она приняла,
Схватила, приподняла.

Счастье дарящая Иэйэхсит —
Миротворящая Айыысыт,
Величаво голову подымая,
Радостными очами блистая,
К ложу матери подошла,
Стройными десятью
Пальцами белых рук
Со лба Сабыйа Баай Хотун
Отерла, смахнула пот,
Выступивший у корней волос,
И благословенье свое
На прощанье произнесла.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ АЙЫЫСЫТ

Ну, так и быть! Так и быть!
Яркая зелень вокруг!
На девять веков
Да будет тебе
Радость и торжество —
Уруй-мичил!

На восемь веков
Текущей рекой
Счастливый удел
Да будет тебе.
Айхал-мичил!

Нескудеющая,
На семь веков —
Слава
Да будет тебе!
Ну – так и быть —
Жить – не тужить!

Счастье я обещаю вам,
Добро нагадаю вам:
Будьте крепким корнем
Большой семьи!
Заселите потомством своим
Весь простор срединной земли!

Пусть во веки веков
Ваш огонь горит!
Пусть незыблемое у вас
Вечное довольство царит!
Пусть могучий Одун Хаан
Вам судьбы невалкие определит!

Если ветер холодный на вас дохнет
С верхней северной стороны,
Богатыри айыы
Заступятся за вас.
Если с нижней погибельной стороны
Леденящий ветер дохнет,
Светлые исполины айыы
Вас оградят, защитят...

Вашему сыну-богатырю
Я такое имя дарю:

Владеющий Серо-стальным конем
Кюн Дырибинэ Бухатыыр —
Пусть отныне зовется он.

Имя вашей дочери
Я дарю:
С блистающе ясным лицом
Прекрасная Туйаарыма Куо —
Пусть отныне зовется она!

Пусть не встретит ваша нога
Никаких задержек в пути!
Пусть не встретит ваша рука
Никаких помех впереди!
Словно яйца в гнезде золотом,
Покойтесь в доме своем!
Прощайте, дети мои,
Да не забывайте меня! —

А потом небесная Айыысыт
Стремительно подошла
К громоздкой двери жилья.
Тяжелую, грузную дверь,
Которую семьдесят семь человек,
Налегая плечами семь суток подряд,
Не смогли бы и приоткрыть,
Настежь распахнула она,
Откинула, как лепесток.

Через громадный толстый порог,
Схожей с четырехтравным быком,
Развалившимся на боку,
Перешагнув легко,
Вновь обернулась она
Кобылицею молодой,
Масти белой, как молоко;
И, мгновение постояв,
Порывисто фыркая, горячась,
Поскакала – и прынула на бегу
На белое облако,
Невдали
Распластавшееся по земле,
И на облаке этом,
Похожем на шкуру
Чалого стригунка
С сизой дымкою на груди,
С белой дымкою на животе,
В Верхний мир
Величаво взмыла она.

* * *

По велению светлых айыы
Поселенные на земле,
Посланные в срединный мир
Породить тридцать пять племен —
Саха Саарын Тойон
И Сабыйа Баай Хотун,
Новорожденных своих детей
Крепко под мышки держа,
Вынесли на берег реки.
Все нечистое смыли с них
Водою темных пучин,
Начисто вымыли их
Водою синих пучин.

Прекрасная лучистым лицом
Сабыйа Баай Хотун
Две обильно щедрые
Груды свои,
Набрякшие
От переполнявшего их
Сладкого сока Ийэксит,
Вынув из прорехи одежд,
Вывалив бережно их,
Правую грудь с золотистым соском
Сыну разгневанному своему
Вложила в кричащий рот,
А левую,
Туго ее обхватив,
Впихнула
Плачущей дочери в рот.
Голодные
Бедные малыши
Сразу начали
Жадно сосать,
Пока не насытились, наконец,
Вдосталь не напились.
Мальчик – дюжий, сердитый —
Так жадно сосал,
Что у матери бедной его
Отхлынула кровь с ланит,
Похолодела спина,
Почернела кожица у ногтей
Сына опрометью
Оттолкнув,

В сторону отца
Отпихнув,
Сабыйа Баай Хотун
Крутонравную дочку свою,
Вспыльчивую дочку свою,
Чтобы к небу в ведренный день
Голову не вскидывала она,
Чтобы солнцу дня
Не было видна,
Чтобы ей от солнца не почернеть,
Чтобы ей от зноя не захиреть, —
Укутала дочку
В куньи меха,
Укрыла в рысьи меха;
Чтобы ни пыль, ни грязь
Не пристали к ней,
Завернула в соболю меха...

А Саха Саарын Тойон,
Ставший корнем племен уранхай-саха,
Сердитого первенца своего
Силой удерживая в руках,
Раскидывая умом,
Мол, скоро он подрастет,
Озорничать, забавляться начнет,
Наскакивать, пожалуй, пойдет
С копьем на Верхний мир, —
В волчью шкуру его завернул,
В матерую волчуру,
С черными полосками на седине
Широких передних лап.
Думал Саха Саарын Тойон:
Мол, скоро сын подрастет,
Топор боевой возьмет,
Взбудоражит подземный мир, —
В шкуру медведицы он
Сына запеленал,
Крепко перевязал
И глубоко усыпил...
После этого —
Трое суток спустя,
Когда на краю небес,
Поблескивая, как широкий меч,
Белое солнце взошло,
Прародительница племен
Сабыйа Баай Хотун,
Убирая ложе свое,
Травяную подстилку стрепла,
На которой лежала она,

Когда рожала детей.

«Если выбросить
На землю ее,
На росу-туман,
На скотный двор, —
Выродятся потомки мои,
Вырастут злыми дети мои.
И когда неприметно старость придет,
И когда, ослабев, упаду ничком,
Не придет мой сын,
Не поднимет меня,
Не поддержит голову мне.

Старость глубокая подойдет,
Устану, навзничь паду —
Не придет ко мне дочь моя,
Не приподымет голову мне,
Поддерживая затылок рукой,
Не поможет мне,
Не вспомнит меня...»

И величавой походкой своей,
Выгнув спину, выпятив грудь,
От жилия далеко отойдя,
Взобравшись на северный горный склон,
Травяную подстилку свою
Положила она на развилы кривом
Березы раскидисто вековой,
А послед, в котором
Сын и дочь
Угнездившись, в утробе ее росли,
Извергнутый после них,
Она, от всякого глаза таясь,
В глиняный скрыла горшок,
Перетянутый тальником,
И от жилия далеко
Закопала в землю его.

Как вольная кобылица-двухлодок,
Вскормленная на тучных лугах,
Легко ступая,
Пустилась она
К озеру светлых вод,
Незамерзающему никогда.
Сбросив одежды свои,
Бросилась в воду она.
Хлюпаясь, нырять принялась,
Словно дикая утка-нырок;

Водою синих пучин
Все нечистое смыла с себя,
Разгоряченное тело в поту
Начисто отмыла она.
Выбежав из воды
На узкий высокий мыс,
На северном берегу
Стройное, крепкое тело свое
Подставила теплому ветерку,
Солнечным благодатным лучам.
И, обсохнув, накинула на себя,
На золотистые плечи свои,
Легкую доху
Из черно-полосатых лап
Отборных лисьих мехов;
Надев, слегка набекрень,
Высокую, с пером,
Шапку из трех соболей,
Довольная – вернулась она
На привольный, широкий двор,
В просторный, богато украшенный дом,
К священному очагу.

«Если на третий день
Благодарностью не воздам,
Радостью не помяну,
Праздником не провожу
Явившуюся на помощь ко мне
Великую Иэйэхсит,
Давшую благословенье мне
Почитаемую Айыысыт —
Обидится,
Огорчится она,
Разгневается она...
И в далекие будущие времена
В доме моем потомкам моим
Скучно придется жить».

Так подумав,
Сабыйа Баай Хотун
Кликнула клич,
Созвала гостей
Из дальних и ближних селений айыы,
Где солнечные живут племена,
Где прежде жила она...
Двенадцать прославленных красотой
Стройных белолицых девиц,
Горделиво ступающих по земле,
Как стерхи – белые журавли,

Откидываясь немного назад,
Отозвались, явились на пир.
Хозяйка, введя гостей
В почетную урасу,
Разожгла священный огонь.
И все, степенно усевшись в круг,
На толстых белых кошмах
За кумысной чашею круговой,
Поставив перед собой
Всякую изобильную снедь
И желтого масла большую бадью,
Чтоб умилилась Иэйэхсит,
Славословие произнеся,
Шумно, радостно веселясь,
Справили праздник они,
Проводили Айыысыт.

* * *

Вот так —
Пристанище обрета
В срединном мире земном,
Размножился этот род.
Тридцать пять проворно-резвых племен
Широко расселились по той земле;
Люди – зоркие,
С лицом впереди,
Чей нос продолговат.
Так возник народ
Уранхай-саха.

* * *

Миновал положенный срок —
Первенцы первых людей,
Сотворенно-рожденные дети их
Выравнились, подросли.
В силу вошел их сын —
Владеющий Серо-стальным,
Неутомимо буйным конем,
Кюн Дьирибинэ-богатырь;
Стрелы и лук – дело его,
Стрельба – забава его.
А дочь – любимица их,
Владеющая Гнедым конем,

Блистающая прекрасным лицом
Красавица Туйаарыма Куо
С девятисаженной косой —
И с ножницами в руках,
И в скачке на резвых конях,
И в плясках, и в играх любых
Проворной, ловкой была.

И время еще прошло...
Заматерел их сын удалой,
Вырос так, что его голова
Доставала нижних ветвей
Лиственницы вековой.
Стройный стан его
В перехвате стал
В пять маховых сажений,
Развернулись широкие плечи его
В шесть маховых сажений.
Сделались голени у него,
Как могучие лиственничные стволы,
Вздулись от мышц
Предплечья его,
Как лиственничные комли.
Солнце он заслоняет спиной,
Ладонью — луну.
На радость матери и отцу
Вырос первенец молодцом,
Стал могучим богатырем.

Как серебряные кольца узды,
Сверкают его зрачки,
Смотрит он в упор,
Как шипом язвит,
Наливаются кровью глаза у него,
Грозно он, нахмурясь, глядит.
Он и часа на месте не посидит,
Распирает сила его,
Потягаться — не с кем ему...
Сухожилия в теле его звенят,
Крепкие суставы хрустят,
То и дело он сам про себя говорит:
— Хоть бы кто нагрянул на нас.
Хоть бы дракой потешился я!..

А неужто до сей поры
Адъарайские племена
Не пронюхали обо мне?
Неужель не слыхали они
Высокого имени моего,

Не завидуют славе моей?

Неутолимая страсть у меня
С нечистью в бой вступить.
Ах, как бы я мечом рассекал
Толстые кожи их!
Я заставил бы корчиться их,
Я бы крепко их обуздал.
Пусть попробуют, нападут —
Я бы их ничком повалил,
Я бы их отхлестал,
Я бы спины им ободрал,
Я, как струны, вытянул бы, шутя,
Становые жилы из тела их!

Верхнего мира абаасы —
Издревле наши враги,
Нижнего мира абаасы —
Шестизубые остроги,
Когда же они
Сюда налетят,
Толстую кожу мою разорвут,
Прольют мою черную кровь,
Ярость мою укротят?! —
Так он вызов на бой посылал
Безмолвствующим небесам,
Буйно шумел, кричал
Бездонным трем пропастям,
Вражду будил,
Беду накликал...

Трое суток прошло,
Только солнце всходить началó,
Только нижняя грань
Слоистых небес
Заиграла
Росыпью золотой,
Вдруг свирепый вихрь налетел,
Все вокруг
Неистово закружив,
Леденящий ветер подул,
Могущий силой своей
Медвежью шкуру в клочки разорвать.

Забушевал ураган,
Заклубил летящую пыль...
Стабунились
Белые облака,
Взгромоздились

Черные облака,
Сбились в огромную тучу одну,
Заслонили блестящий небесный свод,
Затмили солнце дня...

Словно дух раздора
Илбис Кыыса
Неистово крича, визжа,
Словно ворон брани
Осол Уола,
Свирепо вопя, кружа,
Сильный западный ветер завыл,
Закрутил,
Сгустил гудящую тьму...

То ли треснуло днище
Подземных бездн,
То ли с треском сломался опорный столб
Девяти небес,
То ли трещиной раздалась
Твердыня средней земли —
Оглушительно раскатился гром,
Молния полоснула во тьме,
День омрачился
Тенью грозы...

В беспечально светлой стране —
На изначальной земле,
Не выдавшей инея, снега и льда,
Не знавшей зимы никогда,
Где теплое лето было всегда —
Стужею дохнула метель,
Снеговой буран налетел,
Ледяною крупую
Кипя и свистя,
Ледяными иглами шелестя...
Пополам со снегом буря несла
Гальку речную, красный песок,
Подымая вихри мелких камней,
Подымая вихри крупных камней,
Пастбища завалила она
Грядами брякающих камней...

Осьмикрайняя, о восьми ободах,
Гладко широкая,
Ясно высокая
Изначальная мать-земля
Закачалась на опорах своих,
Заплескалась, словно вода

В берестяном ковше.

Шум, и свист, и гром такие пошли,
Словно треснули, скрежеща,
Железные опоры земли,
Раскололся небесный свод.

Казалось – рушится, грохоча,
Гранитный купол подземных бездн.
Такой был грохот и шум,
Что страх людей охватил.
Кто труслив —
Забился в коровий хлев,
Кто посмелее —
Укрылся в чулан...

Владеющий Серо-стальным конем
Кюн Дьирибинэ-богатырь —
Он-то страха не знал,
Усмехнулся, сказал:
– Нагрянули, вижу я,
Долгожданные гости мои,
Норовящие нам в зятя!
Узнали они, видать,
Высокое имя мое,
Услыхали они, видать,
О доброй славе моей...
С неба ль налетели они
Или вылезли из-под земли?
Позабавимся,
Поиграем теперь,
Повертим, покружим друг друга теперь...
Попыхтят теперь они у меня!
Любого к земле пригну!

Прямо в поле
Прянул из дому он,
Во все стороны поглядел,
Пасмурный озирая простор.

И увидел —
У края средней земли
Под гранью слоистых небес,
У подножья западных гор,
На арангасе большом,
На лабазе, поставленном высоко
На восемьдесят восемь подпор,
Богатырь-исполин лежит на боку.
В восемь сажен, примерно, ростом он,

Шестислойная кольчуга на нем —
Из сплошного железа броня.
Долгополая шуба его
Из облезлых шкур двадцати волов,
Павших от шатуна.
Длинная шея богатыря
Львиной шкурой затянута по кадыку,
На каменной крепкой макушке его
Расплющенная железная шапка,
Как гнездо хотоя-орла,
А поверх ее нахлобучен шлык
Из шкур околевших телят...
Надменно разлегся он на боку.
Безобразная харя его
Стала морщиться, дергаться,
Плюща нос,
Будто силился улыбнуться он.
Из глазницы, узкой, как щель горы,
Красными веками окружен,
Его единственный глаз
Землисто-мутно глядел...
Как подземного мира
Бездонный провал,
Разинув широкий рот,
Высунул он раздвоенный свой
Зелено-синий язык,
Как змею в семь сажен длиной,
Облизнул могучую шею свою,
Выгнутую шею свою...
Огромную голову опустив,
Как пригорюнившийся человек,
Начал без умолку он болтать,
Невнятно, хлюпая, бормотать,
Гмыкая и ворча,
Хихикая, хохоча;
Вдруг загудела земля,
От гула дрогнула даль,
Стоголосым эхом откликнулся лес,
Горы отозвались,
Так забасил он, заговорил
Абаасы-исполин.

ПЕСНЯ СЫНА АБААСЫ

Аар-дьяалы!
Ай, испугал!
А я-то с миром пришел
В Айыы Хаана улус,
Где спокойно люди живут
С поводьями за спиной!
А я-то сватать пришел
Дочь Саха Саарын Тойона,
Дочь Сабыйа Баай Хотун,
Ставших матерью и отцом
Под солнцем живущих людей,
Ходящих на двух своих шатких ногах,
У кого лицо впереди.

Сестричку богатыря,
Владеющего Серо-стальным
Неудержимо буйным конем,
Кюн Дьирибинэ-удальца,
Скачущую на иноходце Гнедом,
Блистающую белым лицом
Бедненькую Туйаарыму Куо
Я наметил в жены себе,
Когда ей было три года всего.

Долго ждал я, пока она подрастет,
Изнывал, надеялся я,
Думая – прилечу,
Поцелую в белые щечки ее,
Ми... ми... милую
Невесту мою,
Обнюхаю ее, наконец —
Ню... ню... нюхалочку мою!
Предвкушал я, что лягу с ней,
В неге прижмусь
К драгоценному теплому телу ее,
Лучащемся сквозь меха одежд!
Думал, надеялся я,
Что ждет она – не дождется меня...
Думал я, что от ожидания у ней
Одеревенела спина,
Что от долгого ожидания у ней
Затылок окоченел...
Наконец-то я
Притащился к вам...
Я спешил сюда, я летел,

Я боялся, что Верхнего мира боец,
Трехгранной стрелою
Бьющий стрелец —
Быстроногий Бараанчай
Опередит,
Украдет ее...
И придется мне гоняться за ним,
Драться с ним,
Выбиваться из сил.
Потому-то я к вам спешил,
А быть может — уже опоздал?
Ох, досада...
Ох, горе мое!

Поспешал, беспокоился я,
Как бы не похитил ее
Буура Дохсун-исполин!
Раскатистый гром — под седлом его,
Восемь молний, как плеть, в руке у него...
Грозный детина,
Лихой удалец,
Богатырь — другим не чета —
Неужто опередил меня?
Ухватил невесту мою?
Ох, кручина...
Ох, горе мне...

На вихрящемся с запада на восток
Южном небе — среди верхних абаасы,
Не ужившийся в народе своем
Из-за буйства и воровства,
Улуу Тойона грозного сын
И яростной Куохтуйа Хотун
Уот Усуму Тонг Дуурай,
Летающий не на коне,
А на огненном змее своем,
Знаю — зарился
На сестричку твою!
Я боялся, как бы не выхватил он,
Опасался, как бы не выкрал он
Ее из-под рук моих,
Как бы не вынудил он меня
По росе и снегу бродить
Да впустую следов искать.
Потому спешил, торопился я,
Потому летел я, шею сломя...
Может, он уже одурачил меня?

Уродившийся в грозном веке былом,

Угнездившийся на днище самом
Погибельной пропасти Чёркёчёх,
В обители Крови и Трёх Теней,
Тимир Дыгистэй, мой братец лихой,
Смотри, чтобы надо мной
Птичка ма-алая пролететь не могла!

Поставленный в начале времен
Властелином над роковым
Провалом Ап-Салбаныкы,
Старший мой брат-исполин
Алып Хара Аат Могойдоон,
Смотри, чтобы подо мной —
Под нижней моей стороной —
Подрыться и прошмыгнуть не могла
Землеройка – серая мышь!

Владеющий Серо-стальным конем
Кюн Дырибинэ-богатырь,
Хоть похвальбой раздувался он,
Хоть на бой вызывался он,
Как слышал я о нем,
Он – еще сосунок,
Тщедушный, хилый с пелен...
Да неужто я не смогу
Подмять его под себя?
А красавицу – сестрицу его —
Беленькую лицом,
Бедненькую Туйаарыму Куо —
Добром отдадут – возьму,
И не отдадут – возьму,
Хыы-хыык!
Гыы-гыык!

Так – издеваясь,
Смехом давясь,
Зияя распяленным ртом,
Как разорванная берестяная лохань,
Огромный абаасы
Возвышался на арангасе своем.

Молча внимал обидным словам
Владеющий Серо-стальным,
Неукротимо буйным конем
Кюн Дырибинэ-богатырь,
Грозный боец,
Горячий юнец,
Тешащийся отвагой своей...
В теле его закипала кровь,

В темя ему ударяла кровь,
Потемнело от гнева в его глазах.
Как порой осенней
Пороз-олень,
Грузные наклонив рога,
Бросается на врага —
Так у юноши-богатыря,
Словно кривого дерева ствол,
Дюжая изогнулась спина,
Напружилась шея его;
Кудрявые волоса,
На спину падающие волной,
Встали дыбом,
Как дым поднялись,
Задвигались на макушке его;

Вспыхивая серным огнем,
С треском разлетаясь, шипя,
Как из-под кресала с кремня,
Сыпались искры из глаз его,
Будто красного пламени языки
Слетали со скул его...
Страшно он изменился лицом,
Решился на смертный бой.

Так он туго сжал кулаки,
Что затрещали суставы рук,
Как бубен из шкуры коня;
Напряженные сухожилья его
Зазвенели, как десять струн...

Рогатину боевую свою
С широким сверкающим лезвием
Он поставил вверх острием;
Свой длинный тяжелый меч-пальмұ
С блестящим, как зеркало, лезвием,
Поставил он вниз острием,
Опираясь на рукоять;
Как высокая земляная гора,
Выгнулся, вздулся он.

Тяжело ногами ступая,
Землю поступью сотрясая,
Прянул он к сыну абаасы,
Прямо под черный носище его,
Под горбатый гнусавый носище его
Сунул кукиш,
Плюнул в лицо;
И соленым, едким словом своим

Стал окатывать, обжигать врага...

КЮН ДЫРИБИНЭ

Буо-буо!
Вот тебе – вот тебе!
Эй, кривая рожа,
Кровавая пасть,
Голень – ярмо,
Черный плут,
Гораздый на воровство!
Эй, ты, адьарайский сын,
Клочок убегающих туч!
Невидимкин сын,
Колдун кочующих туч!
Я взнуздаю тебя,
Оседлаю тебя,
Брошу навзничь,
Брюхо тебе распорю,
Срок даю —
Последнее слово скажи,
Предсмертное слово твое!

Как могу я тебя поминать,
Коль не буду знать,
Кого я убил,
От какой пуповины ты был рожден?
Как прослаблю имя твое,
Коль не буду знать,
Чью толстую кожу я разрубил,
Чью пролил черную кровь,
Чьи кости длинные сокрушил?

Иль гнушаешься биться со мной,
Иль не знаешь – кто я такой?
Я – отпрыск от корня первых людей
На обетованной средней земле,
Сын Саха Саарын Тойона я
И Сабыйа Баай Хотун,
Брат родной
Блистающей светлым лицом,
Прекрасной
Туйаарымы Куо,
Владеющий Серо-стальным
Неукротимо-буйным конем
Кюн Дырибинэ-богатырь
Вот я сам стою пред тобой,
Готовый шкуру содрать
С широченной твоей спины...

Вот я здесь, снаряженный в бой,
Как с тремя желобками стрела,
Окрыленная с трех сторон
Перьями маховыми орла,
Чтобы бить тебя прямо в лоб! —

Так пропел удалец
И сунул кулак
Прямо под нос абаасы.

Исполин подземных глубин,
Испытанный в черных делах,
Отпрянул судорожно от него,
Перекопился весь,
И, подпрыгивая,
По бедрам захлопал себя,
Сотрясая высь,
Завопил, заорал,
Оскалится, ухмыльнулся потом;
Семисаженым своим языком,
Как синим огнем,
Полыхнул, блеснул...
Воя, крича,
Вопя и мыча,
Распалится,
Заговорил, запел...

СЫН АБААСЫ

Аар-дьяалы! Аарт-татай!
Ой, смех! Ой, горе мне!
Ой, страсть! Ой, диво мне!
Я речей таких не слыхал
От людей айыы...
С поводьями за спиной —
Спокойно жили они.

Ах, голубчик – деточка мой!
От земли не видно его,
А смотри-ка, храбрый какой!
С адьараем-богатырем
Спорит он, стоит перед ним?!
Да стоит щелчок ему дать,
Да стоит один пинок ему дать —
И рассыплется он, как роса,
Рассеется без следа...

Кто на помощь к нему придет?
Кто широкой спиною его заслонит?
Что упрямится,
Чем хвастает он?

Да ведь, если на то пошло —
Я и сам
Достойным отцом сотворен,
Не простою матерью порожден! —
С хвостом, как железная острога,
С клыками, торчащими изо рта,
Прародитель всех адьарайских племен,
Родившийся в облезлой дохе,
Прославленный Арсан Дуолай,
Матерый старец – мой грозный отец!
Породившая племя абаасы,
Появившаяся на свет
С деревянной колодкой на ногах,
Древняя Ала Буурай,
Кривая голень,
Железный клюв —
Вот такая мать у меня!
Уродившийся в кровавые дни,
Угнездившийся в пропасти Чёркёчөх,
Любимый братец есть у меня
По имени Тимир Дыгистэй;
Сотворенный в бедово-мятежный век,

Поселенный в неведомой глубине
Бездонного зева Ап-Салбаныкы,
Чудовищный исполин
Алып Хара Аат Могойдоон —
Это мой старший брат.

Хвост, как черный дым,
Постель – как метель,
Когтистая лапа,
Нос – пешня,
Девушка-диво Куо Чамчай,
Богатырша Кыыс Кыскыйдаан,
Колдунья подземных бездн —
Это старшая сестрица моя!
Ох, досада моя,
Ох, беда...

А не хочешь ли ты узнать
Собственное имя мое?

Под склоном западных бурных небес
Рожденный в древние времена,
Дух великого моря Муус-Кудулу,
Огнереющего, бездонного моря,
Чье дыхание студенó,
Чья суровая дума грозна,
Исполин Уот Усутаакы —
Вот кто я такой!
Я нагрянул наверняка!..
Красавицу Туйаарыму Куо
Неужель не уступите в жены мне?
Неужель откажете мне —
Родовитому, знатному жениху?

Как стрелу с желобком,
Оперив —
Снарядив,
Как цветочек,
Украсив
И нарядив,
Как олененочка,
Поживей
Приведите невесту ко мне.

Не мучьте такого, как я, молодца —
Не затевайте ссоры со мной...
Не задерживайте удальца,
Или будет бой...

На тебя, как на шурина, я гляжу,
На тебя обиды я не держу,
Как родственника, почитаю тебя,
Не досадую, не сержусь...
А сестру твою
Отдадите – возьму,
И не отдадите – возьму! —
Так он, скаля зубы, пропел,
Безобразно кривясь лицом...
Кюн Дырибинэ-богатырь
Кинул слово ему:
– Не отдам!
Темный кровавый вор,
Посмотрим, как ты возьмешь! —
Абаасы повторил:
– Если отдадите – возьму
И не отдадите – возьму!

Медлить больше не стали они,
Друг против друга встали они.
Рогатины боевые подняв,
Будто рогами друг друга разя,
Сшибаются два быка, —
Ринулись друг на друга они,
На рогатинах сразились они.

Кованые наконечники их
Рогатин боевых
Изогнулись,
Свернулись в кольцо...
Рогатины боевые свои
Отбросили они,
Да как взялись за мечи,
Да как принялись мечами махать,
Вскрикивая и вопя,
Как поленья, друг друга щепать...
Несокрушима была их броня,
Искрошились у них мечи
По самую рукоять.

Кюн Дырибинэ-богатырь
Белым своим кулаком
С голову трехлетка быка,
Словно молотом грузным, хватил
Сына подземной тьмы,
Отскочил, увернулся абаасы
От страшного взмаха того,
В полсилы пришелся удар...
Загребистую лапу свою,

Пятипалую лапу туго сжав,
Черным чудовищным кулаком
Величиной со стегно быка,
Он ударил сына айыы,
Шлепнул, как по мокрой земле.
Три дня – три ночи подряд
Кружились, бились они...
Древняя проснулась вражда,
Довременная брань ожила...

Истоптали
Талую землю они,
Искрошили
Мерзлую землю они,
По колено вязли они,
Проваливались по самый вертлюг.
Заколебалась твердыня земли,
Заплескалась, словно вода в ковше,
Накренилась,
Трещинами пошла...
Небывалый поднялся шум,
Необъятный переполох,
Нежданная налетела беда.

Владеющий Серо-стальным
Неукротимым конем,
Кюн Дырибинэ-богатырь —
Он семь долгих дней и ночей
Увертывался от врага.
Верхняя сила его
Стала ослабевать;
Нижняя сила его
Слабеть начала, сдавать...

Дух свирепого довременного моря,
Бездонного
Муус-Кудулу,
Исполин Уот Усутаакы
Крикнул,дохнул огнем:
– Ах ты, ничтожная тварь!
Недоносок,
Щенок-сосунок!
Долго ты дурачил меня,
Тень твою ловить заставлял!..
Срок проходит
Женитьбы моей,
Срок рожденья
Первенца моего! —
В землю уткнув

Черный свой нос,
Через голову кувыркнулся он,
Натрое
Разорвался, гремя,
И обернулся вдруг
Огненным змеем о трех головах,
О шести когтистых
Лапах кривых;

На серебряный дом людей,
Сверкающий путникам издалека,
На расстояньи дневного пути,
Трехголовый змей налетел,
Левую сторону дома подмял,
Ударом чудовищного хвоста
Восточную сторону развалил;
Прекрасную Туйаарыму Куо,
Которую до сих пор
Укрывали в соболя меха,
Одевали в рысьи меха,
Чтобы пыль не пристала к ней,
Чтоб от солнца не почернела она,
У которой —
сквозь мех дорогих одежд —
Тело просвечивает, лучась,
Сквозь тело тонкие кости видны,
Сквозь кости переливается мозжечок, —
Несчастную дочь айыы
За восьмисаженные
Косы схватив,
Взмыл в высоту трехголовый змей
С кричащей пленницею своей,
С визжащей добычей своей
И падучей звездой
Промелькнул, пропал
За темной гранью земли...

Посланные породить
Тридцать пять племен
На средней земле,
Саха Саарын Тойон
И Сабыйа Баай Хотун,
Обливаясь ручьями слез,
Рыдая, остались одни.
До верхних небес
Долетел их вопль,
Нижний мир всполошился
От крика их.
Из провала подземных бездн

Отродья старухи Ала Буурай,
Выходцы из поддонной страны
Вырвались в Средний мир,
Разграбили, разорили дотла
Селенья детей айыы-аймага,
С поводьями за спиной,
Двуногих,
С лицом впереди...
Погашены их очаги,
Разрушены их дома.

Адъарайские племена
Попрали веленья владык судьбы,
Решения огненного суда...

Как опустили сверху потом,
Как поселили на средней земле,
Словно звонкую стрелу,
Оперив,
Словно копье,
На бой снарядив,
Чтоб улусы солнечные
Защитить,
Чтоб людей от гибели
Оградить;
Как послали
В Средний бедственный мир
Исполина-богатыря,
Которого три мира зовут
Именем таким:
Владеющий Вороным конем,
Стоя рожденным на грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур...

Если спросят,
Каков он собой,
Этот избранный богатырь,
Как он – бедный —
С младенчества выростал,
Как в детстве,
Копье себе мастера,
Верхнему миру грозил,
Зычно крича, вопя,
Что растопчет его,
Что в обломки его сокрушит;
Как малышом-ползунком,
Еле-еле на четвереньки встав,
Колотушку сделав себе,
Нижнему миру он угрожал,

Что придет, разрушит его,
Обрушит каменный свод;
Как он гулко стучал
О покрышку бездн,
Громом голоса
Оглашая простор
Над перевалами трех дорог,
Мычаньем, как дикий бык,
Наполняя темный подземный мир,—
Обо всем об этом олонхосут
Отдельно песнь поведет.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

*Рот разомкну —
Всколыхну тишину,
Раскрою уста —
Рассказ начну...
Стану песни вам
Старым ладом слагать,
Вспомню о славном богатыре,
Посланном в Средний мир
От нечисти охранять
Доверчивых
Добросердечных людей
Племен айыы-аймага.*

*Только он на ноги стал,
Только вкривь и вкось зашагал —
Сел на коня,
Полетел, как вихрь;
С севера, с юга
Объехал он
Огромную Землю-мать,
С восхода, с заката
Объехал он
Прославленный свой алас,
Осмотрелся кругом,
Осмотрел себя,
Крикнул голосом громовым:
— Вот я вырос!
Я в силу вошел! —
И Верхний мир его услышал,
И Нижний мир его услышал...*

*Снова сяду я среди вас,
Долгий начну рассказ;
Тройной замок отпущу,
Трехголосым горлом своим запою...*

*Если из Верхнего мира в ответ
Через трубы гудящие очагов,
Если из Нижнего мира в ответ
Долетит из-под ваших ног
Одобрительный возглас:
«Но-о!» —
Не пугайтесь,
Внимайте мне.*

Это было за гранью древних лет,
За хребтом стародавних лет,
Во мгле незапамятных лет...

Под восьмым уступом
Края небес,
Под седьмым уступом
Белых небес,
Откуда голос не долетит,
Чья не измерена высота,
Где парят железные три кольца,
На которых держится мир,
Где летают девять смерчей,
Где играют десять
Крылатых коней,
Оттуда – с заоблачной крутизны —
Всей земли просторы видны,
Широкая открывается даль;
На необъятном просторе том,
На неколебимой основе его,
Что Средним миром зовут,
На могучей твердыне его,
Что ногою не покачнешь,
Рукою не шелохнешь,
Где броды мелеют
В летний зной,
Где увалы курятся голубизной,
Где степь зеленеет весной,
Там красуется и цветет,
Держащееся на восьми ободах
Сокровенное золотое гнездо —
Окруженное громадами гор
Широчайшее благодатное лоно
Изначальной земли матерой.

Там, на теплом, лучшем месте ее,
Возле печени золотой,
В средоточьи светлом ее,
Где белое солнце
Летом встает,
Сверкая, как медный меч,
Где над горбатым хребтом,
Над покатым теменем гор
Белое зимнее солнце встает,
Сверкая, как медный меч,
Вырванный из ножен,
Там – без края и без конца —
Необъятная долина лежит.
Девяносто девять
Могучих рек
Бурливо текут
По долине той;
На обширных аласах ее

Восемьдесят восемь
Кипучих рек
Сливаются в величавый поток;
Там семьдесят семь
Говорливых рек
В зеленеющих берегах,
Словно дети – веселой гурьбой,
За руки схватившись, бегут.

Там бураны
Бывают порой,
Катящие с грохотом
Глыбы камней
С трехлетнюю телку величиной;
Там ураганы бушуют порой,
Катящие камни – величиной
С четырехлетка-быка.
Там обвалы гремят в горах,
Вихри вздымают до облаков
Глинистую белую пыль;
Там россыпи
Красных и желтых песков
Вскипают, клокоча...
Деревья такие огромные там,
Что древняя с них
Спадает кора,
Темные, дремучие там леса,
Заросли непроходимых чащоб...
А далёко – на солнечной стороне —
Высокие сопки стоят,
Каменные горы за облака
Заносят острые скалы свои...
Так необъятен этот простор,
Что птица-журавль
И за девять дней
До края долины не долетит,
Даже быстрая птица-стерх
На блестящих, белых крыльях своих
Эту ширь не в силах перелететь,
Заунывно кричит: – Кы-кы! —
Сокровенно таится в долине той
Красно-тлеющий камень-сата;
Завывая зловеще, там
Летает, кружится
Дух илбис.

Необозрим кругозор,
Неизмерим простор
Великой долины той —

Широкой равнины той;
Прославленное имя её —
Праматерь Кыладыкы.
Там степная трава зелена,
По траве будто волны бегут;
Там деревья густо цветут;
Крупной дичи там счета нет,
Мелкой дичи там сметы нет.
В изобильной этой стране
Приволье горлицам и сарычам,
Там кукушки звонко поют всегда...

Но до той поры,
Пока с высоты
Белых неколебимых небес
Великий Айынга Сиэр Тойон
Трех своих любимых детей
На облаке не опустил,
Повелев им жить на средней земле, —
До той поры никто из людей
На просторах праматери Кыладыкы,
На изобильной ее груди
Не построил себе жилья —
Ни берестяной урасы,
Ни дома прочного не воздвиг,
Не зажег в очаге священный огонь;
Никто загона не огородил
Для стада своих коров.
Огромная эта страна,
Грозная изобильем своим,
Свирепая безлюдьем своим,
Еще хозяина не нашла;
Сюда богиня Айыысыт
Еще жизни не принесла.
Полчища верхних абаасы
Приходили сюда без помех,
Адъараи, подземные абаасы
Вольно выходили сюда,
Затевали игры свои.

* * *

Я радостно вам спою, расскажу
О чудесной, великой этой стране,
О таинственной, дикой этой стране.
Далеко на южной ее стороне
Возвышаются девять горбатых гор,

Обрываются девять увалов крутых, —
Будто это девять огромных коней,
Чьи хозяева – Тобурах Баай
И Тогуюруйа Хотун,
Над пустыней гибели и смертей,
Защищая свои табуны,
Друг против друга взвились на дыбы
И застыли, окаменели навек.
Эти девять хребтистых гор,
Будто девять оленей,
Склонивших рога,
Готовых наброситься на врага;
А если к подножию их подойти —
Эти горы, как девять могучих быков,
Увязших в мерзлой земле,
Провалившихся по самый живот,
Наклонив широкие лбы,
Угрожая друг-другу, стоят,
Застывшие навсегда...
Эти девять угрюмых гор,
Словно исполины, лежат —
Простершиеся на боку...
По ущелью обширный лег перевал,
А за перевалом – провал...
Там крутыми уступами горный путь
Опускается в Нижний мир.
Утесы острые там,
Словно зубья гребня, торчат.
По тому обрывистому пути,
По широкому перевалу тому
В древние времена выходил
Прославленный богатырь-адьарай
Алып Хара Аат Могойдоон,
Ездящий на низкорослом быке,
У которого из-под верхней губы
Торчат кривые клыки.
За ним подымались в Средний мир
Полчища абаасы
Грабить добро,
Разорять дома,
Убивать людей
Из рода айыы.
Между этих обрывистых гор
Ветры сильные дуют всегда,
Вихри бушуют всегда,
Каменные обвалы гремят...
Там, бесконечное, пролегло
Ущелье горя и мук —
Урочище Ледяной Хотун,

Как перерезанная гортань,
Там зияет теснина
Хаан Дьарылык,
Там вьется дорога снизу вверх,
Там клубится, дышит
Черный туман.

Если полетим на восток
Великой равнины Кыладыкы,
Где по светлому небосклону бегут
Перистые облака,
Что похожи на пеструю грудь
Тетерева, глухаря,
На востоке откроются нам
Темные глухие леса...
До другого края этих лесов
Никакая птица не долетит.
В том лесу исполины-деревья растут,
Шелестят густою листвой;
С их древних стволов
И толстых ветвей
Сама спадает кора.
Похожи деревья в этом лесу
На шаманок давних времен,
Когда встречали с пляской они,
Буйно прыгая и кружась,
Неистово в бубны гремя,
Идущую к ним наяву
Жизнедарящую Иэйэхсит,
Когда благодатной своей рукой
Поглаживает она
Золотистые щеки свои,
Румяные, как закат и рассвет
На ясном небе весной.

Если на крылатом коне
Дальше полетим на восток,
На открытом просторе увидим мы
Величавое в блеске своем
Озеро с островом среди волн.
В нем вода, как белое молоко,
Желтым маслом сверкает рябь,
Творожные отмели на берегу.
Гоголи с плеском ныряют там,
Турпаны слетаются там...
Еще дальше синее озеро есть;
По белым балкам,
С зеленых гор,
Прыгая по камням, журча,

Сбегают к нему ключи;
Аисты зимуют на нем,
Каменушки-утки зимуют на нем...

И еще чудесное озеро есть, —
Его зеркальная гладь
Не туманится никогда...
Здесь птицы-стерхи поют,
У которых граненый клюв,
Красная кайма на глазах;
Сюда слетаются журавли,
Здесь гагары играют, нырки.
Если дальше еще глядеть
Сквозь утреннюю лучистую мглу —
За тремя озерами, вдалеке
Увидим: с неба до самой земли
Опускается изволоком перевал,
Радугой переливаясь, горя...

Когда ходящий на двух ногах,
У кого лицо впереди,
К Юрюнг Аар Тойону
В Верхний мир
Обращаясь, песню поет —
По уступам небесного склона того
Иэйэхсит нисходит к нему,
Айыысыт одаряет его.
Если быстрый брошу отсюда взгляд
В пасмурный низ,
В бездонную щель
Метели кружащего, колдовского
Северного склона небес, —
Выступят из мглы вихревой
Восемь свирепых горных вершин...
Там великий Куктуйский пролег перевал,
Там вечно лютует буран,
Будто древний колдун-шаман
Днем и ночью кружится,
Снега подымая,
Громко в бубен свой ударяя,
Камлает неистово —
Правит кырар,
Косматыми волосами трясет...
А за горами вдали
Светлый открывается дол;
Березы белые там растут,
Похожие на стада лебедей,
На стройных, как стерхи,
Женщин-хотун,

Когда степенно выходят они
На широкий, ровный алас,
Где праздничные игры идут,
И сами – радуясь и смеясь,
Колыхаясь красиво,
Ровно ступая,
Пляску свою ведут...
Серебряные украшения их
Сверкают, бряцают в лад,
Алым шелком горят у них
Собольих шапок верхи,
Белеют бляхи на лбу.

А за долиной белых берез
Железные горы ввысь поднялись,
Будто красные жеребцы
Яростно взвились на дыбы,
Грызутся между собой;
Словно могучие лоси-самцы,
Ощетинив шерсть на загривках крутых,
Сшиблись и застыли навек —
Так вот, острые горбя хребты,
Эти горы тесно сошлись.
Между гор теснина лежит,
А по той теснине из-под колдовских
Северных, метельных небес
Хоромнү Хаана орда
Выходила на белый свет
Грабить и убивать людей
Солнечного улуса айыы.
Эта теснина и есть —
Великанша Куктуй-Хотун;
Здесь она разевает бездонную пасть,
Здесь – опасные колдовские места.
По этой теснине глухой,
Из бездонно погибельного жерла
Выходили нижние абаасы,
Истребляя все, как огонь,
Разрушая все, что успел собрать,
Что успел создать, взрастить, накопить
Добросердечный народ айыы.

От Сюнг Хаана в былые века,
От племени
Сюнг Дьаасына
Приявший бессмертный дух и судьбу,
Выше этих железных гор
На округло-широких крыльях своих
Носитель смерти парил —

Небесный орел Хотой Хомпурун,
С металлически-звонким клювом своим,
С клекочуще-каменным нёбом своим,
Медные лапы, хвост острой.
По ночам прокрадывался сюда
На волосатых лапах своих
Невидимка Тимир Дыгистэй —
Старейший средь нижних абаасы.
Трижды мог умереть он
И трижды ожить —
Так предначертано было ему..

* * *

Далеко, где желтеет склон
Западных холодных небес,
Под грядою клубящихся облаков
Раскинулось широко,
Вздуваясь темной водой,
Разбиваясь о берег пенной волной,
Играет, бушует, гремит
Великое море Араат
Через просторы моря того
Птица не перелетит.
Восемь заливов его
Вторгаются в грудь земли,
За восемь дней пути
Слышно, как грохочет прибой...
На море волнение всегда,
Леденящим холодом дышит оно,
Не стихают бури на нем никогда,
Не умолкает прибой никогда.
А что лежит за морем Араат?
Там – под нижним краем
Закатных небес —
Подымаются, словно белый дым,
Громоздятся, как облака,
Белые горы в снегу.
На хребте синеющем этих гор
Обрывистые утесы торчат,
Вершины острые их,
Словно копья широкие, поднялись...
Как ступенчатые горловые хрящи,
Громоздятся скаты каменных гор.
Здесь берет начало
Широкий, большой
Перевал Кээхтийэ-Хаан,

Чья хозяйка – свирепый дух;
Здесь лютует она,
Здесь колдует она,
Обвалами грохоча...
По страшному перевалу тому,
По обрывам непроходимым его
Спускаются в Средний мир
Свирепые верхние абаасы,
Самые первые богатыри
Ненасытно буйных небес,
Чей родич – алчный Аан Дархан.

Здесь изрыгает дым и огонь
Таинственное жерло;
Оттуда выходит в ночи на грабеж,
Туда уходит потом,
С награбленным им добром,
Ненавидящий всех людей
Уот Усуму Тонг Дуурай.
На восьминогом огненном змее
Сидя верхом, выезжает он,
Все живое сжигает он
Смертоносным своим огнем.
Это он истребил племена
Кюксэ Хаадыат
И Кюкэ Хахат;
Это он пожрал их стада,
Ближних соседей их перебил,
К дальним их соседям пришел,
Обездолит их и угнал их скот...

На груди праматери Кыладыкы,
В долине ее золотой,
На широком ее хребте,
На лоне, блистающем белизной,
Вырос некогда сам собой,
Вспучился из-под земли
Глинистый высокий курган;
На округлой вершине его
Поднялись еще три холма.
За девять суток пути
Вершина его отовсюду видна;
За восемь дней пути
Седловина его видна.
На вершине кургана того,
Между тремя холмами его,
Посреди седловины крутой
По велению неба
В начале времен —

Раскинув пышные восемь ветвей,
Выросло древо Аар-Лууп.
Так высоко оно поднялось,
Так широко разрослись
Могучие ветви его,
Что осенили землю они,
Заслонили солнце они.
У прекрасного древа того
Тонкие ветки из серебра
Звонко поют на ветру;
На могучем его стволе
Темная золотая кора...
Круглый год оно
Зеленеет, цветет.
Как огромные кубки для кумыса,
Как большие чороны
С резной каймой,
Золотые орехи зреют на нем,
Срываются с высоких ветвей,
Разбиваются у корней,
От удара паденья своего
Раскалываются они,
Проливая созревшую в них
Желтую благодать.
Широкие листья его,
Словно конские чепраки
Из шкур молодых кобылиц,
Широко под ветром шумят;
Если ветра нет —
Все равно они,
Как живые,
Колышутся, шелестят...
В древе том обитает
Хозяйка Земли,
Дух великий деревьев и трав,
Аан Алахчын,
Манган Манхалыын,
Дочь Юрюнг Аар Тойона,
Владыки небес,
Посланная жить на земле,
Одарить щедротами
Средний мир,
Украсить, обогатить
Долину жизни грядущих людей,
Деревом-матерью быть
Племенам уранхай-сах...
Шелестело древо густою листвою,
Будто говорило само с собой:
— Если б вольно я

В высоту росло,
Я дó неба
Дорасти бы могло,
Поднялись бы верхние ветви мои
Выше стремительных
Белых небес,
Восемь моих могучих ветвей
Раскинулись бы в высоте,
Как восемь густых лесных островов,
Над становьем,
Где грозный живет
Улуу Суорун Тойон...
Там несметное племя его,
Свирепые верхние абаасы,
Чьи завистливы огневые глаза,
Чьи железные клювы остры,
Отведали бы моих плодов,
Взялись бы хвалить, клевать
Золотые орехи мои,
Стали бы пожирать
Желтую благодать мою,
Стали бы жадно пить
Белую благодать мою;
Привязался б ко мне
Их лютый дух,
Прилипла б ко мне
Их лютая страсть,
Выпила бы соки мои...
И высокие ветви мои
Сохнуть начали бы тогда,
Рухнул бы могучий мой ствол,
Попшатнулось бы счастье средней земли...
Если бы восемьдесят восемь моих
Могучих толстых корней
Прямо вниз росли
В глубину земли,
То проникли бы корни мои
В страшный подземный мир;
Через его дождливую пасть
Высунулись бы корни мои
В середине аласа Алып-Ньяхсаат,
Где владыка Нижнего мира живет —
Родившийся в облезлой дохе
Исполин Арсан Дуолай...
Несметное племя его,
Чьи медные клювы остры,
Припали бы к белым моим корням,
Стали б корни мои сосать,
Высосали бы сок из меня,

Высохли бы корни мои;
И без опоры в земле
Рухнуло бы я с высоты
Грузным своим стволом...
Беззащитным остался бы Средний мир,
Перестала бы к людям сходить
Благодатная Айыысыт;
Некому было бы разводить
Тучный молочный скот,
Запустили бы стойбища мирных людей,
Опустели бы их дома
И пришел бы жизни конец!.. —

Вот поэтому, говорят,
Великое древо Аар-Лууп,
Широко раскинув ветви свои,
Не проникает верхушками их
За край ненасытных небес,
А простирает зеленую сень
Над простором средней земли.
Восемьдесят восемь его
Толстых столбов-корней
Не прорастают в Нижний мир,
А распластываются в толще земли;
До далекого острова Сихта они
Тянутся под землей...
Густые ветви его
Куполом высятся над землей
На семьдесят дней пути,
Изгибаются плавно вниз,
Достигая моря с одной стороны,
А с другой до Татты-реки...
Пышно красуется и цветет
Исполинское древо-мать;
Счастье белое падает на него
С трехъярусных белых небес,
Тяжелые золотые плоды,
Как чороны огромные для кумыса,
Срываются с отягченных ветвей,
Раскалываются пополам,
Ударяясь о корни свои,
А могучие корни,
Взрадившие их,
Впитывают все соки земли.
Верхняя древа часть
Орошает долину
Млечной росой,
Нижняя древа часть
Источает щедро вокруг себя

Божественно желтую влагу свою.

Вот какой прекрасной была
Долина Кыладыкы;
Широкие луговины ее —
По триста верст длиной,
Зеленые поймы ее —
По двести верст шириной...
Но не мог там себе построить жилья
Немощным рождающийся человек,
Ходящий на двух ногах;
Только реял там воющий дух илбис,
Только тлел там
Красным огнем
Волшебный камень-сата.

Обступали долину горы вокруг,
Огромные скалы, словно бойцы,
Воплями оглашая даль,
Колотушками боевыми, чомпо
По макушкам друг друга тузя,
Обвалы обрушивали с крутизны...

Была благодатная эта страна
Предназначена в древние времена
Для такого могучего богатыря,
На которого никто на земле
Не смог бы надеть ярма;
А пока налетали сюда
С северных, метельных небес
Сонмища свирепых племен,
У которых рты на груди,
Чей отец был Улуу Тойон,
А мать – грохочущая в высоте,
Неистовая Куохтуяа Хотун.
Огненными глазами они
Оглядывали равнинную ширь;
Им по нраву пришлось
По долине той
Прыгать, скакать, играть;
А от их тяжелых прыжков,
От свирепой игры и возни
Трещинами раскололась земля,
Буераками расползлась,
Раскололась оврагами вдоль и вширь.
Из-под купола вихревых небес
Заваленной тучами стороны
Набегали сюда племена
Подземных абаасы,

Чей отец – Арсан Дуолай,
А мать – старуха Ала Буурай,
Властители страшных
Подземных бездн.
Медными глазами они
Разглядывали равнинную ширь,
Им по нраву долина прихлась.
И вот исполины-абаасы,
Как огромные ели, зимой
Покрытые грузным снегом и льдом,
Играли, прыгали тяжело,
Лишь металась темные тени их.
И от их тяжелых прыжков,
От чудовищной их игры
Балками раскололась земля,
Оврагами разорвалась...

Народившиеся от первых людей
Три племени уранхай-саха,
Четыре рода айыы-аймага
Сильных вырастили сыновей,
Отважных богатырей,
Не жалеющих головы своей.
Вставали отважные удалыцы,
Выходили давать отпор
Налетавшим сверху врагам,
Нападавшим снизу врагам.
Кистенями размахивая, крича,
Шумно устремлялись они
В погибельный Нижний мир;
С копьями наперевес,
Толпами подымались они
По склону бурных небес
В грохочущий Верхний мир.
От полчищ верхних богатырей
Поражение терпели они;
От полчищ подземных богатырей
Терпели они урон;
А в Среднем мире своем
Укрытья не было им...

* * *

И вот – рожденные в пору бед,
Взращенные в горестях и нужде,
Закаленные в жестокой борьбе
С чудовищами подземных бездн,

Уцелевшие в неравных боях
С исполинами абаасы
Непримиримо бурных небес,
Самые первые удалыцы,
Прославленные богатыри,
Старейшины-главари
Племен айыы-аймага
Сошлись наконец —
Собрались на совет,
Стали вместе гадать, размышлять,
Как им быть,
Как им дальше жить...
Ветер далеко относил
Горестные возгласы их,
Эхо гулко вторило их голосам:

– Аарт-татай!
Ах, братья-друзья!
Ах, какая досада нам...
Ах, какая обида нам!
Ведь богатейшая эта земля,
Долина Кыладыкы
Была завещана племенам
Добросердечных потомков айыы!
Щедрую тучность этой земли —
Желтое изобилье ее —
Неистовые разрушают враги,
Твердыню нетронутую ее
В пустыню хотят превратить
Завистливые враги!
На широких просторах этой земли,
Теряющихся в голубой дали,
Где краснеет, алеет, горит
Россыпями камень-сата,
Где воинственные илбисы кричат,
На великой равнине этой страны,
На могучей хребтине ее,
Что ногой толкнешь и не колыхнешь,
На ее широкой груди,
Вздымающейся высоко,
Чтобы здесь могла жилье основать
Добрая мать Иэйэхсит,
Чтобы дом изобильный смогла обжить
Великая Айыысыт,
Поселить должны
Владыки айыы
Такого богатыря,
Который был бы сильнее всех
В трех сопредельных мирах,

Чтобы он и ростом был выше всех,
И душою отважнее всех,
Чтобы в теле могучем был у него
Несокрушимый костяк,
Чтоб шумела в широких жилах его
Непроливающаяся кровь,
Чтобы вечным дыханием он владел,
Бессмертие получил в удел;
Чтобы он защитником был
Людям айыы-аймага,
Ходящим на двух ногах,
С поводьями за спиной.
Только нет такого богатыря,
Нет такой защиты у нас...
Люди лучшие трех племен саха
Перебиты, истреблены...
Потомки всех четырех племен
На гибель обречены!
Прокляты мы, видно, судьбой,
Пропавшая, видно, участь у нас —
Разорение, гибель, смерть...
Самый лучший,
Самый обширный алас
Средней ярко-пятнистой земли
Отняли у людей
Отродья абаасы!
Не осталось нам ни пастбищ, ни вод,
Ни обильных дичью лесов...
Потомки славных наших родов
Обездолены, побеждены,
Повалены вниз лицом.
Видно, приходит последний час
Племен уранхай-саха...
Выгонят нас из наших домов,
Развеют пепел родных очагов...

Так неужто, братья-богатыри,
Обитающий на хребте небес,
Восседающий в облаках
На беломолочном камне своем,
Благодатный, древний, седой,
Чье дыхание – нежный зной,
Прародитель наш
Юрюнг Аар Тойон
Своим скользющим,
Толстым щитом
Нас не укроет,
Не защитит,
От гибели не спасет?

О, если бы наша Аан Алахчын —
Материнского древа душа,
Посланная охранять
Изобилие золотых щедрот
Изначальной средней земли,
Наяву перед нами представ,
Причитая и плача, сказала бы нам,
Что больше надежды нет,
Мы не стали бы дольше терпеть!
Мы бы сами убили себя,
Бросясь на острия
Сверкающих копий своих! —
Так роптали богатыри
Племен айыы-аймага,
Так в отчаяньи восклицали они...

Громкие восклицания их,
Ропот неумолкающий их
Превратился в шестязыкий огонь,
Воплотился в серный
Синий огонь.
Семь илбисов неистовых
В том огне
Яростно воя, взвились,
Понесли и бросили этот огонь
На восьмиветвистое древо Аар-Лууп.
Охватило пламя могучий ствол,
Потрескивая, побежало вверх,
Коснулось нижних ветвей,
Дымом застлало
Лиственный свод.
Вихрь налетел, зашумел,
Грозно зашелестел
Широколапой густой листвой,
Раскачал огромные восемь ветвей,
С треском ломая сучья на них;
Тяжелые золотые плоды
Стали падать с нижних ветвей,
Посыпались с верхних ветвей;
Словно рыбы серебряные хвосты,
Захлопала, затрепетала листва...
Завыл илбис, затащил
Воинственную песню свою.
Птицы тучей слетели с ветвей,
Захлопали крыльями,
Прочь понеслись;
Звери, прятавшиеся в тени
Древа жизни Аар-Лууп,
Жалобно в испуге крича,

Кинулись убежать...
Исполинский свод серебристой листвы,
Куда прилетала порой отдыхать
Благодатная Иэйэхсит,
Где обитала всегда
Сама Аан Алахчын,
Весь огромный купол густой листвы
Покрылся дымом седым;
С треском шатался могучий ствол,
Ветви раскачивались все сильнее;
Красный камень —
Опора толстых корней —
Раскалывался,
Дробясь, как дресва...

Предназначенная охранять
Желтую благодать земли
В долине Кыладыкы,
Вышла из шумной листвы
Аан Алахчын,
Манган Манхалыын,
Надела на плечи свои
Ниспадающие спереди и позади
Подвески чеканного серебра,
Накинула на себя
Длинную одежду свою
Из драгоценных мехов.
Вспыхнула благородная кровь
В сердце Аан Алахчын,
Во весь свой высокий рост
Выпрямилась она;
Блеснувшие на ее глазах
Смахнула слезы она
Золотыми ладонями рук.
Где упали слезы ее,
Два озера, шумя, разлились —
И четыре гоголя с высоты
Опустились на воду их,
Хлопать крыльями стали, нырять...

Аан Алахчын, Манган Манхалыын
Выпрямилась во весь свой рост,
Высотой с дерево стала она;
Косы длинные до земли опустив,
Глаза блистающие подняв
К трехъярусным небесам,
Протяжно петь начала...
Звучным голосом пела она,
Взывая к сидящему в высоте

Юрюнг Аар Тойону —
Отцу своему
В шапке из трех соболей,
Чье дыхание – нежный зной,
Чья белеет, как снег, седина.

ПЕСНЬ ААН АЛАХЧЫН

Видишь меня? Слышишь меня?
Видишь горе мое,
Мой ярый гнев,
Отец мой Юрюнг Аар Тойон,
Отец живого всего,
Отец сотворенных тобой
Добросердечных людей
Солнечного рода айыы
С поводьями звонкими за спиной,
Натянутыми твоею рукой!

Подними три раза над головой
Высокую мягкую шапку свою
Из трех дорогих соболей,
Трижды голову обнажи,
Солнечные уши свои
Трижды открой предо мной,
Прислушайся к речи моей,
Слова не пророни!

Стужей подуло из Нижнего мира,
Вихрь налетел из Верхнего мира...
В Среднем мире, на щедрой земле,
Где по́ небу солнце идет высоко,
Где простор зеленеет травой,
Где леса шелестят листвою,
Где вы – владыки айыы —
На вершине минувших лет,
На хребте стародавних лет
Поселили первых людей,
Опустили их с высоты,
Повеление дали им,
Чтобы избранные тобой
Саха Саарын Тойон
И Сабыйа Баай Хотун
Породили девятерых сыновей,
Породили десятерых дочерей,
Дали жизнь двадцати родам,
Дали жизнь тридцати пяти племенам,
Заселили потомством своим
Средний мир,
Завещанный им.
Нерушимое счастье тобой
Было обещано им!

Но из темных, подземных бездн
Адъараи на́ землю поднялись;
Из Верхнего мира
С бурных небес
Неистово начали налетать
Воинственные племена...
И теперь погляди, отец,
Что творится здесь на земле:
Дети племен уранхай-саха,
Ходящие на двух ногах,
Глядящие прямо перед собой,
Наполовину истреблены...
Их дома изобильные разорены,
Перевелся их тучный скот;
Опора крепкая жизни их
Рухнула!
Негде укрыться им,
Не на что надеяться им!

Чтоб от обид народ защитить,
Чтоб от гибели оградить
Добросердечных детей
Улуса айыы-аймага
С отзывчивою душой,
С поводьями за спиной,
Надо вам средь небесных богатырей
Лучшего избрать поскорей
И в Средний мир отпустить,
Чтобы он хозяином стал на земле,
Чтобы он жилье основал
На равнине Кыладыкы,
Где раздолье, где необъятный простор,
Где долины без края цветут,
Где широкие зеленеют луга,
Где россыпью красной горит
Драгоценный камень-сата...

Пошлите могучего богатыря,
Которому равного нет!
Пошлите великого богатыря,
Чтобы мог он дорогу закрыть
Дующим сверху ветрам ледяным,
Чтобы мог он пути запереть
Стуже, веющей из-под земли!
Нужен на земле богатырь,
У которого не проливалась бы кровь,
Не рушился бы могучий костяк,
Чтобы он дыханием вечным дышал,
Чтобы он бессмертной душой обладал.

Вот такого богатыря
Прикажи, отец,
Поскорей найти
И не медля в Средний мир отпусти!

Если вы, могучие, предрекли
Долгую широкую жизнь
Ходящим на двух ногах,
У кого лицо впереди,
Потомкам рода айыы,
О, имеющие великую власть,
Добрые сердцем владыки небес,
Внемлите моим словам,
Пошлите на землю поскорей
Крепкую защиту свою,
Долговечную силу свою!
Обращаюсь к вам с горячей мольбой,
Кланяюсь низко вам,
Поклоняюсь трем
Вашим темным теням! —
Так молила владык айыы,
Говорила Аан Алахчын.

* * *

Высокий белый
Небесный свод
Всколыхнулся в зените своем,
Изначальная мать-земля,
Как в деревянной чаше вода,
Дрогнула,
Заколебалась вдруг...
Громкое слово
Аан Алахчын
Полетело ввысь,
Потрясло,
Всколебало воздух
Над всей землей.
Туча темная наплыла,
Стало сумрачно,
Пала широкая тень...

Рассекаемая могучей мольбой
Матери Аан Алахчын,
Зашумела воздушная высь,
Загудел, за клубился вихрь,
Захрустел, зазвенел

Летящий песок...
Не успел бы ты сказать:
«Аарт-татай!»,
Треснул оглушительный гром,
Молнии, трепеща,
Посыпались с высоты;
В треске и свисте
Железных крыл,
В блеске пляшущих красных огней,
С клекотом гневным,
С воем илбис
К темному небу взмыл.

А те – блистающие в высоте,
Обитающие на хребте
Трехъярусных белых небес,
Судьбами трех великих миров
Правящие по воле своей,
Встревожились, собрались,
Разговор такой повели:
– Из пределов Среднего мира,
С обитаемой беспокойной земли,
Где свил гнездо
Кровавый раздор,
Кто-то с воем и клекотом
К нам летит,
Хочет мир небес возмутить;
Там беда, как видно, стряслась,
Только нам теперь не до них! —

Взяли огромный железный шест,
С тремя наконечниками острогу
И закрыли со скрежетом
Огненный вход
На белое небо —
Обитель владык
Великого рода айыы,
Дали стражам небесным
Грозный наказ:
– Пусть-ка сунется кто-нибудь —
Двиньте по глупой башке острогой,
Чтобы дерзкий незванный гость
На землю кувырком полетел!

На высоком, белом небесном хребте,
На раздолье безбрежном его,
На беспредельном просторе его,
На трехъярусном своде,
Где облака

Гуще белого каймака,
Могущественные стражу несли —
Славные в сонме айыы,
Державные богатыри,
До которых на крыльях не долетишь,
До которых на брюхе не доползешь.

Готовы на бой всегда,
Готовы любой удар отразить,
Заслоняли спинами солнце они.
Словно горы, мускулы их
Перекачивались на широких плечах.
Сокрушительны силой своей,
Ослепительны видом своим,
Смерти не знали они,
Никто их не мог победить,
Ярмо им на шеи надеть.
Трое было их – богатырей,
Трое стражей белых небес.

Если спросишь их имена —
Громкие на все времена,
Какая им сила дана,
Какая власть им дана,
То вот кто были они:
Первый, самый могучий из трех,
Схожий с заоблачною горой,
Чье дыханье – густая мгла,
Чей каждый выдох —
Белый туман
С огромное облако величиной,
Был исполин Буксаат Хара.
А второй —
Бесстрашный боец,
Бесконечно коварный
Ловкий хитрец —
Был Ала Дьаргыстай-богатырь.
Третий был
Прекрасный собой,
Беспредельно добрый душой,
С белым юношеским лицом,
Блистающим красотой —
Кюн Эрбийэ-богатырь.

Первый средь них,
Сильнейший средь них,
Чей выдох – белый туман
С облако величиной,
Богатырь Буксаат Хара

Неподвижно на месте сидел,
Нерасторжимо соединив
Опорные три кольца,
На которых держится мир,
Руки могучие в кольца продев,
Не размыкая рук никогда;
Левым красным глазом своим,
Мерцающим, как звезда
В осенние холода,
За небесами он наблюдал,
Огненным правым глазом своим
Пристально вниз глядел.
Так он всегда неподвижно сидел,
Три кольца небесных держал.
А страшился он одного:
Если бы в руках у него
Хоть одно покачнулось кольцо,
Дрогнул бы трехъярусный небосвод.
Всколыхнулись бы девять
Белых небес.
Если бы в руках у него
Повернулось огненное кольцо,
На котором держится вся земля,
То обитаемый Средний мир
Всем бескрайним простором своим,
Всей непомерною толщей своей
Поставленный на воде,
Закачался бы, как лохань,
Затопили б его края
Воды мертвые довременного моря...
Изобилие и счастье земли
Смыты были бы,
Сметены
Яростью ледяной волны;
В страшном Нижнем мире тогда
Заклятые в древние времена
Засовы Алып-Чарай
Отодвинуться вдруг могли
И открыть глубины
Удушливых недр,
Бездонных подземных недр...
Наступила бы гибель земли,
Распался бы,
Разрушился мир

Этому богатырю,
Что держит опоры трех миров,
Раз в три года
Белую пищу несли,

Гущу небесного молока.
Как бездонный провал,
Как ущелье в горах,
Он широкий рот открывал,
И прямо в открытый рот,
В глубокий отверстый зев
Опрокидывали ему
Белой сладкой пищи котел;
Это малое проглатывал он
Огромным одним глотком...
Нет на свете лучше богатыря!
Румянцем густым цветет
Лица его смуглота;
Как из стали кованы —
Мышцы его
Усталости не испытали вовек;
Огромный,
Как горный кряж,
Опора вселенной — он.

А второй из богатырей —
Ловкий боец,
Коварный хитрец,
Удалой Ала Дьаргыстай;
Мясом грузным он не оброс,
От жира не лоснится он,
Кости неломкие у него,
Тело железное у него,
Не боится он ничего.

Воскликнув:
— Ну что ж!
Такова
Предначертанная Одун Хааном судьба! —
Этот стремительный богатырь,
Ухватив свой грузный железный шест —
С тремя наконечниками острогу —
Уже размахнулся оружием своим,
Чтобы ударить прямо в кадык
Того, кто дерзко снизу хотел
Проникнуть в Верхний мир.
Так он прежде на землю
Сбрасывал всех
Рвавшихся на небеса...
В этом служба его была,
За это хвалу воздавали ему
В трех мирах,
На трех языках;
Он хранил нерушимый строй,

Установленный в начале времен.
В сверкающем доспехе своем
Был он схож с боевым копьём
О восьми лезвиях,
О трех остриях —
Так о нем предания говорят...

Третий из богатырей —
Белого неба гонец.
О чем бы ни попросили его,
За чем бы ни посылали его,
Дух не успеешь перевести,
А он, как молния, улетев, —
Уже воротился, гремя, как гром;
Все узнал, все увидел,
Принес ответ...
Смеется он,
Будто сено горит,
Хохочет он,
Будто гром гремит;
Когда, как молния, он летит —
Не видно тени его,
Вот какой он,
Кюн Эрбийэ-молодец —
Гонец небесных айыы.
Могучий голос его, как гром,
Раскатывается в высоте;
Словом одним богатырь
Злобного угомонит;
Так остер его разговор,
Что заслушиваются его.
В трех небесных рядах
На кумысных пирах
Он на главном месте сидит...

Копье занесенное увидав
У небесного стража в руках,
Он – смеясь,
Как сухое сено, горя,
Хохоча, как гром, грохоча,
В молнию превратясь,
Вниз полетел, как стрела,
И мгновенно кверху взвился,
Ослепительно ярко блеснув,
И прославленному богатырю
Ала Дьаргыстаю сказал:
– Открой скорее
Огненный вход!
Летит сюда крылатой стрелой

Голос Аан Алахчын самой,
Дух ее челюсти и языка! —

Только молвить успел он эти слова,
Могучий Ала Дьаргыстай
В сторону быстро отвел
Трехзубую свою острогу,
Восьмилезвийный свой
Железный шест,
Что был заколдован и заговорен
Чарами восьмидесяти восьми
Пролетающих облаков,
Девяносто и девятью
Коварствами бога битв;
Подержал на весу свою острогу,
Приоткрыл на мгновение огненный вход
На торжествующую высоту
Трехъярусных белых небес.

Из пределов широкой земли,
Окруженной хребтами гор,
Рассекая воздух звонкой стрелой,
На небо, сверкая, взлетел
Голос Аан Алахчын,
Дух ее челюсти и языка;
И в кукушку малую превратясь,
Крылышками блестя,
Покружился над кровлею золотой
Обширно прекрасного дома-дворца,
Где обитает Юрюнг Аар Тойон,
Неба хозяин седой,
В высокой шапке из трех соболей,
Чье дыханье – нежный зной,
Попирающий ногой облака
Гуще белого каймака.
Над золотым небесным жильем
Простирая широкую сень,
Восьмиветвистое дерево там
Густолиственное росло;
Кукушка села на ветке его,
Радужным опереньем блестя,
Открывая граненый клюв,
Звонким щелкая языком,
Выпуская громкую речь;
Будто снежинки в бурю, слова
Вылетали из клюва ее.

Здесь, на вершине белых небес,
Величавое солнце светит всегда,

Вечный день сиянием напоен,
Вечер не приходит сюда;
На прекрасных густых деревьях
Не облетает листва никогда,
На зеленых небесных лугах
Не увядает трава;
Заморозков не бывает здесь,
Никогда не падает снег,
Вечная, молодая весна,
Благоухая, цветет.

Здесь, на широком хребте
Трехъярусных белых небес,
В огромном веселом доме своем,
В летней, золотой урассе,
Возле трех молочных озер,
Сладостным, теплым дыханьем дыша,
Восседает белый, седой
Старец Юрюнг Аар Тойон.
Он высокую шапку из трех соболей
Приподнял, уши открыл,
Услышал кукушку —
Проведал все.
Неторопливо потом
Голосом тихим, спокойным своим
Молвил такие слова.

ЮРЮНГ ААР ТОЙОН

Дьэ-бо-о!
Дьэ-бо-о!
Я давно отсюда гляжу
На подножье высоких небес,
Потонувшее в дыхании бед,
В ледяном дыхании бурь...
Я давно отсюда сверху гляжу
На обитаемый Средний мир,
На окруженный горами простор
Восьмикрайней,
Восьмибодной земли,
Необозримой, прекрасной земли, —
Давно ли она
Богато цвела!
А потом превратилась она
В поле раздора,
Лютой вражды...
Видел я, как отчаянные удалцы —
Небесные абаасы
Растоптали поверхность ее...
Видел я, как воинственные пришельцы —
Исполины подземных бездн,
В неумном своем озорстве,
Истребили, пожрали, сожгли
Изобилье средней земли...

Великий Улуу Суорун Тойон
Спит теперь, говорят,
Непробудным сном.
Только если копьем
Ему бок пронзить,
Лишь тогда, говорят, всполошась,
Хлопая по бедрам себя,
Рассерженный, просыпается он,
А его многочисленные племена,
Бесчисленные потомки его
Растоптали подошвами торбасов
Предопределение верховных владык,
Решение огненного суда,
Веление великой судьбы...

В трех мирах прокливаемые племена,
Которые расплодил
Родившийся в облезлой дохе,
С железною острой,

Старый, страшный Арсан Дуолай,
Вылезли из своих пропастей
И растоптали, глумясь,
Великую, древнюю клятву свою.
На средней земле,
Где солнце встает по утрам,
Где редкуют леса,
Убывает вода,
Люди кроткие уранхай-саха,
Одолеваемые бедой,
Раздорами и нуждой,
Скучно, трудно теперь живут
У гибели на краю...
Порожденные в нашей семье,
Посланные жить на земле,
Чтобы корнем рода людского стать,
Саха Саарын Тойон
И Сабыя Баай Хотун
Много вынесли горьких обид
От подземных абаасы,
Потерпели великий урон
От верхних абаасы...
Разрушен их изобильный дом,
Потушен священный огонь в очаге,
Похищены дети их,
Нищими стали они,
В бедствиях, в муках живут.

В обитающей с начала времен
На вершине белых небес
Светлой семье айыы,
От бессмертной нашей крови рожден,
Владеющий Вороным конем,
Стоя рожденным
На грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур,
Как предначертала ему судьба,
Будет он
На средней земле поселен.
Племенам уранхай-саха
Будет защитой он.

Когда еще младенцем он был,
Этого богатыря,
Которому равных по силе нет,
Мы решили до времени сохранить,
Усыпив его властью чар
Шаманки Айыы Умсуур,
Вечно юной старшей его сестры,

Врачевательницы девяти небес,
Заклинательницы восьми небес.

Этот юноша-богатырь
Непробудно спит на нижнем краю
Западных желтых отлогих небес.
Там закаты сквозь хмурые облака
Озаряют красным светом своим
Вершину железной горы.
На той вершине крутой,
Усыпленная колдовством,
Потаенная – вкушает покой
Душа материнская богатыря;
Силою восьмидесяти восьми
Заклятий оплетена,
Спокойно до времени спит
Душа отцовская богатыря...
Этого исполина айыы,
Который в долгом сне вырастал,
Который во сне набирался сил,
Надо немедленно разбудить!
И пока я воздух вдохну,
И пока его выдохну, не спеша,
Надо этого богатыря
На землю опустить —
В Средний обитаемый мир,
Где раздор идет и война.
Передайте ему веленье судьбы,
Что должен он защитником стать
Племен айыы-аймага,
Людей с отзывчивою душой,
С поводьями звонкими за спиной!
Да будет заступником он
Солнечного рода айыы,
Поселенного на земле!
Пусть на долгие времена
Останется он на земле,
Пусть продлит он жизнь племенам
Подвластных нам уранхай-саха!
Побыстрей посылайте за ним...

Нерушима будет его судьба,
Его имя будет греметь,
Как угроза, в мире подземной тьмы;
В Среднем мире прославится имя его,
В Верхнем мире,
На склоне бурных небес,
Будет имя его блистать,
Победоносно, как грозный меч.

Великой будет его судьба,
Счастливой будет долгая жизнь!
Так волю свою изъявили мы.
Эта наша воля
Давным-давно
На каменном восьмигранном столбе
Письменами запечатлена,
Там записана кровью она.

На просторах праматери Кыладыкы,
Где, пронзительно воя,
Летает илбис,
Где, рассыпаясь красным огнем,
Пылает камень-сата,
На воинственных просторах земли,
Не обретших до сей поры
Хозяина сильного своего,
На просторе белом земли,
Которой счастье еще не пришло,
Постройте ему изобильный дом,
Разведите священный огонь,
Опустите на землю его
Вместе с младшей его сестрой,
Красавицей Айталыын Куо,
У которой косы длиной
В восемь маховых сажений —
Пусть хозяйкою в доме будет она.
Этого богатыря-молдца
Поселяйте немедленно там! —
Так сказал
Носящий на голове
Высокую шапку из трех соболей
Владыка неба Юрюнг Аар Тойон,
Так защиту назначил он
Племенам айыы-аймага,
Людям с отзывчивой душой,
С поводьями солнечными за спиной.

* * *

Слово скажешь,
Словнодохнешь,
Не успеешь дух перевести,
Не успеет вернуться к тебе
Эхо голоса твоего,
«Ээх!» ответит он
И далеко улетит,

И вернется тут же назад,
Пропадет и вернется —
Тут, как тут.

Неуловим на лету
Не имеющий тени
Быстрый гонец —
Вестник небесного Дьэсегея,
Сверкающий кольчугой своей,
Летающий молний быстрее
Кюн Эрбийэ-богатырь.

Он летел,
Оставляя огненный след,
Вихрь гудел за ним...
Он летел
Падучей звездой,
Только воздух свистел за ним.
Он летел стрелой
За предел
Западных желтых небес,
К нижнему крутосклону
Нависающих над бездной небес.
Он летел в высоте —
Только гром гремел...
Синий огонь
За ним полыхал,
Белый огонь
Вослед бушевал,
Красные искры
Роем вились,
Зарево вспыхивало в облаках...

Во мгновение ока
Он пересек
Огромный небесный свод,
Стукнулся серебром копыт
В звонкое железо ворот,
На высокой горе,
На широком дворе
Блеснул, полыхнул огнем;
Повеленье веющего добром,
Юрюнг Аар Тойона —
Владыки небес
Голосом звучным пересказал,
Как жеребенок, звонко проржал,
Передал, слова не пропустив,
Радостно-горячо
Защитнице девяти

Чистейших белых небес,
Заклинательнице восьми
Нерушимо святых небес
Удаганке Айыы Умсуур,
Волю Юрюнг Аар Тойона
Слово в слово ей повторил.

Находящая брод
В напасти любой,
Выводящая из любой беды,
Приносящая мыслью добро,
Защитница девяти небес
Шаманка Айыы Умсуур,
Вечно юной блистающая красотой,
Из чертогов своих золотых,
Из покоев просторных своих
Вышла на белый мощный двор,
В белоснежной одежде своей
Красуясь, как птица-стерх;
Как золотой червонец, звеня,
Темными играя глазами,
Белыми сверкая зубами,
Алыми улыбаясь губами,
Заговорила она...

АЙЫЫ УМСУУР

Глядите! Внемлите!
Видите вы?
Слышите вы?..
Владеющего Вороным конем,
Стоя рожденным
На грани небес,
Нюргун Боотура-богатыря
От чародейных пут
Разрешите!
Колдовские колодки на нем
Расколите!
Развяжите!
Освободите!

Если таким, как он есть,
Мы отпустим на землю его,
К Верхнему миру он
Может копьём взлететь,
Может Нижний мир
Острогой пронзить...
Девять белых небес тогда
Расплещутся, как вода
В посуде берестяной,
Страшный Нижний подземный мир
Опрокинется, как лохань,
Обуянный раздорами Средний мир
Расколется по середине своей,
И пойдет бесконечная
Распря тогда,
Безысходная
Будет беда...

Когда родился он —
Младший мой брат Нюргун,
Дрогнуло небо во всю свою ширь.
Загремел, всколебался подземный мир,
Потрясся Средний мир,
Треснул всей твердыней своей,
Трещинами пошел...
А когда он в силу войдет,
Когда бедра и руки его
Дюжими мускулами обрастут —
Как начнет он силой играть,
Как пойдет летать
До счастливых высот

Стремительно бурных небес,
Как пойдет он копьем разить
Адъараев свирепый род,
Если он —
Богатырь-исполин —
Равного себе не найдет
И по великой силе своей
Ошибку в чем-нибудь совершит, —
Вершители судеб земных
За промах,
За всякий огрех
Пусть его не винят потом! —
Так взволнованно говорила она,
Так владык айыы
Просила она —
Заклинательница девяти небес,
Шаманка Айыы Умсуур.

Такое заклятье произнеся,
К каменной клети глухой,
Стоявшей посередине двора,
Как огромный черный курган,
Быстро она подошла,
Живо толкнула
Железную дверь;
Блестящая гладкая дверь,
Гулко заскрежетав,
Звонко захохотав,
«Прочь отойдите все!» —
Пропела на ржавых петлях
И распахнулась во весь проем...

Как необъезженный дикий конь,
Между трясущихся черных столбов,
Волшебных железных столбов,
Бьющийся на цепях,
С колодками на ногах,
Задыхаясь в аркане волосяном,
Не знавший детских забав,
Не видавший солнца вовек,
Выраставший в рабстве, во тьме,
Напряженный в гнев всегда,
Омраченный черною думой всегда,
С недобрым нравом крутым,
Лежащий в путах ничком,
Охваченный заколдованным сном,
Бредящий войной и копьем,
Предназначенный
Защитником стать

Добросердечных племен айыы
С поводьями за спиной,
Призванный избавителем стать
Солнцeroжденных людей
С отзывчивою душой,
Выраставший великим богатырем
Подросток отчаянный, удалой,
Путы рвал порой на себе,
Вскакивал и кричал:
– Аарт-татай!
Адъараи вышли из-под земли,
Уничтожают, теснят,
Истребляют народ айыы...
Алаата, друзья!
Да неужто я
От колодок не освобожусь,
Из темницы не выйду своей,
С адъараями не повстречаюсь в бою,
Навзничь не повалю
Исполинов абаасы,
Топчущих человеческий род?
Неужто не заарканю их,
Не взнуздаю железной уздой,
Не заставлю их каяться и вопить
Да пощады себе молить? —
Но только, бывало, Нюргун
Путы свои разрывал,
В той клетки опорный столб колдовской,
Словно бык свирепый, мыча,
Еще ту же стягивал на богатыре
Огневой неразрывный аркан...

Защитница девяти
Блестящих, светлых небес,
Заклинательница восьми
Гремящих белых небес,
Шаманка Айыы Умсуур
Сзади к богатырю подошла,
Колдовские путы на теле его
О тридцати девяти узлах
Мгновенно разорвала
И в сторону отскочила сама.

Юноша-богатырь удалой
Об землю грянулся головой,
Перевернулся и сел,
Крикнул: – Ага, друзья!
Наконец-то расстался я
С веревкою огневой,

С колодкою колдовской!
Наконец-то я опускаюсь
На извечную землю-мать,
Копьем туда полечу,
Рогатиной буду
Врага поражать!

Нижний страшный мир,
Словно воду в ковше, расплещу,
Своды каменные сокрушу,
По провалам пропасти Чёркёчех
Кровавые реки пушу,
Ох, как весело будет мне!
Словно воду в плетенке берестяной,
Расплещу
Торжествующую высоту
Бурно-ненасытных небес,
Грозовой обители абаасы!
Подымусь по блестящей гладкой горе,
Ворвусь в отверстую пасть
Завихряющихся южных небес,
До самого верха промчусь напролом,
Потрясу восьмизубый свод
Восьмизубой острой...
Вот будет потеха,
Вот будет беда! —
Так сказал он,
Захотел,
На четвереньки встал,
Выкатился из дверей кувырком,
Высвободился из колодок и пут
И на широком белом дворе
Прыгать, скакать принялся.

Каменная темничная клеть
Растрескалась,
Рухнула, грохоча,
Железная заколебалась гора;
И впрямь началась беда.

Тут старшая Нюргуна сестра,
Стоявшая за спиною его,
Наблюдавшая зорко за ним,
Крикнула: — Слава!
Уруй-айхал! —
Закинула далеко
Сверкающий камень-сата,
Темную грузную тучу с грозой
К себе притянула она...

Гром оглушительно загремел,
Огромный вихрь загудел,
Молнии засверкали кругом...
Вечной блистающая красотой,
Могучая,
Славная в трех мирах,
Защитница девяти небес,
Заклинательница восьми небес,
Айыы Умсуур Удаган
Огненный метнула аркан,
Запетлила, с ног повалила,
В миг единый скрутила
Разыгравшегося молодца
И, на черную тучу бросив его,
Заставив тучу обнять,
Не дав ему глаз раскрыть,
Крепко его держа,
На туче тяжелой той
С ним сама устремилась вниз
В Средний обитаемый мир,
В гнездо раздора и зла.

Светлого Дьэсегея гонец,
В серебряной блестящей броне
Крылатый Кюн Эрбийэ,
Тень свою обгоняющий на лету,
Видел сам,
Как Айыы Умсуур
Брата младшего своего,
Бедняжку-богатыря
На облаке грозовом
В обитаемый мир унесла
И с ним сама уплыла.
Крылатый Кюн Эрбийэ
По тучам
Падучей звездой
Стремительно полетел,
Очутился мгновенно он
На вершине белых небес.

Как приказано было ему,
Он Айынга Сиэр Тойону сказал,
Подав весть Небесной Хотун:
– Как Одун Хаан приказал,
Как Чынгыс Хаан повелел,
Владеющий Вороным конем,
Стоя рожденным
На грани небес,

Стремительный Нюргун Боотур,
Предназначенный
Защитником стать
Солнцeroжденных племен айыы,
Жить отправился, наконец,
В необжитый,
Безлюдный простор
Долины-праматери Кыладыкы,
Где играет красным огнем
Драгоценный камень-сата.
Там он дом устроит себе,
Зажжет в очаге
Священный огонь...

Великий, чье имя нельзя
Впустую произносить,
Отец, покровитель всех
Многострадальных детей айыы,
Дышащий благодатным теплом,
Носящий шапку из трех соболей,
Древний Юрюнг Аар Тойон
Велел, чтоб немедля вы
Отправили в Средний мир
Младшую Нюргуна сестру,
Красавицу Айталыын Куо
С волнистой черной косой
В восемь маховых сажений,
Чтобы дом Нюргуна она вела,
Чтоб хозяйкою в доме была! —
Так вот, быстро и горячо,
Громко, отчетливо произнес
Слово свое
Кюн Эрбийэ,
Удалой небесный гонец.

АЙЫНГА СИЭР ТОЙОН

Если так решили
Владыки судьбы,
Посмеем ли мы
Противиться им?
Мой сын – исполин
Нюргун Боотур
Рано был взят у меня...
Разве я не жалел его?
Разве искоса я поглядел на него?
Разве я обидел его хоть раз?
А младшая дочь моя —
Милая Айталыын Куо
С восьмисаженной косой,
Маленькая дочурка моя,
Не она ли – самая главная часть
Сердца могучего моего?
Мне расстаться с ней,
Как расстаться с печенью черной моей!
Боюсь я одну посылать
Бедняжку – младшую дочь мою —
В Средний, объятый смутуо мир!
Тяжело мне,
Тревожно мне...
Норовом буен
Нюргун Боотур;
С первых младенческих лет
Он привык вверх ногами ходить,
Он привык в детские игры играть,
Он как воин воспитан был;
Копья, рогатины снятся ему...
Разве на месте он усидит,
Разве на битву не полетит,
Разве он
Ребенка, сестру, сохранит?

Коль отдавать,
Так все отдавать!
Пусть исполнится воля судьбы,
Пусть я сразу двоих любимцев лишусь!
К Нюргун Боотуру
В Средний мир,
Вместе с сестрой Айталыын Куо,
Пошлю я младшего брата его —
Летающего высоко
На Мотыльково-белом коне

Юрюнг Уолана-богатыря!
Их двоих посылаю на землю я;
Они – зеницы двух моих глаз,
Десны моих зубов...

У поселенного на земле,
Как повелел Одун Хаан,
Нюргун Боотура-богатыря, —
Неломающийся костяк,
Непроливающаяся кровь.
Твердое тело его
Разрубить нельзя,
Толстую кожу его
Распороть нельзя;
Нрав у него крутой,
Рвется он в драку, в бой;
Голова в висках
У него узка,
Он бесстрашен и прям душой.
Пóверху, пóнизу он
Копьем пролетит,
Пó пояс по крови пройдет,
По клокочущим кровавым потокам,
Где потонет высокая ель,
Ринется в Нижний мир,
Подымет на вершину небес...
Он возьмется врагов разить
Восьмизубою острогой;
Равного в трех мирах
Ратоборца не встретит он.
По ошибке он может бед натворить,
Поневоле – грех совершить...
Пусть тогда не падет на него вина!
Пусть племена айыы
Вступятся за него!
Весь улус небесных богатырей
Пусть обороняет его! —
Такие слова говорил,
Такие заветные речи сказал,
Горя, бедный старик.

Девять юношей —
Девять журавлей
Провожать пришли.
Восемь девушек —
Восемь лебедей
Одевать, украшать пришли
Бедную Айталыын Куо —
Красавицу с восьмисаженной косой.

Старуха Айыы Нуоралдын Хотун
Бегала, хлопотала вокруг,
Поворачивала дочку свою,
Прикидывала – что бы надеть...

Будто белоснежного олененка,
Украсили, наконец,
Красавицу Айталыын Куо.
Праздничное убранство ее
Зазвякало серебром,
Золотое убранство ее
Заиграло желтым огнем;
Чеканная тусахта,
Как солнце, на лбу горит,
Пуговицы, как звезды, блестят.
Прекрасная Айталыын Куо,
Белая, как горностай,
В одеянии драгоценном своем
Засверкала огнем девяти лучей.
Улыбаются алые губы ее,
Белеют зубы ее,
Брови, как два
Камчатских бобра,
Изгибаются темной дугой;
Черные играют глаза,
Пламенеют живым огнем;
Румянец у ней
Земляники нежней
На золотых щеках.
О таких красавицах в старину
Пели, бывало, певцы:
– Сквозь меха драгоценных одежд
Несравненные очертанья видны
Нежного тела ее;
Светятся сквозь нежную плоть
Стройные кости ее;
Видно сквозь тонкие кости ее,
Как из сустава в сустав
Переливается мозг... —
Так прославляли ее красоту
Древние олонхосуты-певцы
В солнечных трех мирах.

Летающего высоко
На Мотыльково-белом коне
Юрюнг Уолана-богатыря
Той порой
В дорогу старик обряжал —

Словно радугу,
Он украсил его,
Придал вид ему
Трехжалой стрелы,
Оперенной трижды
Летящей стрелы
И, напутствуя, говорил:
– Смотри – будь примером людям во всем,
Будь прямым, как стрела
О трех остриях!
Будь прославленным, смелым бойцом,
Как острога о восьми остриях!

Что еще оставалось им?
Увы, предстояло им
Прощание навсегда
С чадами дорогими своими...
Час настал —
Отправить их навсегда
В обитаемый Средний мир,
Где раздоры свили гнездо.
По трехсводному небу
Во все концы
Быстроногие скороходы-гонцы
Побежали скликать
На прощальный пир
Огромную всю родню,
Родичей кровных рода айыы,
Лучших небесных людей,
Солнечных богатырей.

Пир кумысный устроили для гостей,
Чэчир из тонких берез
Поставили на небесном лугу.
Чашу первую старикам поднесли,
Благословение произнесли,
Обняли на прощанье детей,
Шестикратно поцеловали их
В нижнюю губу,
Троекратно обнюхали у них
Верхнюю губу,
Так что из нижних губ
Просочилось шесть ложек крови у них,
Так что из верхних губ
Просочилось три ложки крови у них.

Прославленный доблестями богатырь,
Все пространство
Трехъярусных белых небес

Охраняющий исполин,
Одаренный неколебимой судьбой,
Брат их старший —
Могучий Мюльдюн Бёгё
Руку длинную вдаль протянул,
Тучу проплывающую ухватил,
Притянул ее, подтащил;
На тучу, огромную, как гора,
Парня и девушку посадил,
Сам с ними рядом сел,
Оттолкнулся
И плавно поплыл, полетел
В Средний обитаемый мир,
В заповедный земной предел...

Гроном напутственные слова
По небу прокатились вослед:
– Уруй-айхал!
Нарын-наскыл!
Да будет зелень!
Да будет мир!
Радость и счастье – вам!
Пусть неугасимо горит
Священный огонь у вас в очаге,
Пусть наполнится ваш изобильный дом
Неистощимым добром,
Пусть триста лет богатство растет,
Пусть четыреста лет изобилье цветет,
Пусть девять веков ваше счастье стоит,
Пусть не пройдет оно никогда!
Утвердите богатый дом,
Разведите молочный скот,
Породите отважный род,
Пусть потомство ваше
Вечно живет!
Пусть от Верхнего
Ураганного мира
Буря на вас недохнет!
Пусть из бездны Нижнего мира
Стужа на вас непахнет!
Пусть вашего счастья цвет
Не облетает вовек!
Слава! Счастье!
Уруй-айхал!
Пусть отрадою одаряет вас
Благодатная Иэйэхсит!
Пусть радуется, глядя на вас,
Щедрая Айыысыт!
На долгие, долгие годы

Прощайте!
Уруй-уруй! —
Так говорили айыы,
Жители белых небес —
И, брызжа кумысною пеной густой
Детям улетевшим вослед,
Девять дней продолжали пир.

* * *

Там, где солнце встает по утрам
Из-за горы золотой,
Где деревья редуют, шумя
Падающей листвой,
На обитаемой щедрой земле,
На бескрайнем просторе ее,
В блистающем средоточии ее,
На высоком, крутом холме,
За тучами дыма и мглы
Могучий Баалтааны-кузнец
В кузнице исполинской своей
Молотом неустанно бьет,
День и ночь грохочет, кует,
Железом скрежещет,
Сталью звенит.
Там кузнец Куэттээни,
Двигая дюжей, черной рукой
Глубоко вздыхающие мехи
Из сорока жеребьчих шкур,
Раздувает в горне
Жаркий огонь,
Там такая работа идет,
Что за три дня верховой езды
Солнца белого не видать;
От кузни такой поднимается дым,
Что за шесть дней верховой езды
Вся земля окутана мглой,
За девять дней пути
Грохот слышен,
Скрежет и звон.
В горне грозно пышет огонь,
Громко молот огромный стучит,
Сталь о сталь
Неустанно гремит,
Окалина трещит, шипит,
Во все стороны жарко летит.
А под горой,

В чащобе лесной
Стучит тяжелый топор,
Рушатся вековые стволы,
Слышен звон широкой пилы,
Тешет доски тесло,
Долото долбит,
Неустанная работа кипит.
Что же совершается там,
Что же создается там,
Под покровом дыма,
За темной мглой,
Посреди равнины земной?
Создается там гнездо,
Воздвигается прочный дом
На долгие времена.
Основа счастья земного здесь
Устанавливается на века.

Посреди долины Кыладыкы,
Где доньше не жил никто,
Где ветер кружил, поднимая песок,
Едва разлетелся кузнечный дым
И рассеялась непроглядная мгла,
Виден стал во всей своей красоте
Построенный неустанным трудом,
Огромный, богатый дом,
Сверкающий золотом и серебром.
Толстый дым от его очага —
От гудящего его камелька
За восемь дней верховой езды
Занавесил землю окрест
Белым туманом густым,
За шесть дней верховой езды
Расплылся черною мглой;
На расстоянии трех дней пути
Видно, как поднимается дым,
Расширяясь кверху грибом.

Перед домом тем,
На широком дворе,
В ожидании дальних гостей,
Когда прискачут они,
Первый белый снежок примяв,
Девять гор высоких перевалив,
Восемь перевалов преодолев,
Когда приедут из дальних краев
Отважные, как львы, удалыцы,
Величайшие богатыри
Туманных безвестных стран,

Самые кряжистые богатыри
Из мглистых неведомых стран,
Услыхавшие про эти края,
Воспевавшие в песнях эти края, —
В ожидании, когда приедут они,
Перед домом поставил кузнец
Восьмигранные,
Красной меди
Коновязи-столбы.
Здесь приезжие развяжут ремни
Дорожных своих мешков,
Здесь привяжут своих коней,
Здесь они со своих торбасов
Отряхнут косматый снежок.

На первом, самом высоком столбе,
Где по меди – чеканный узор,
Сидит волшебная птица Бар
Курлыкает, клекочет она.
На среднем медном столбе,
По которому вьется узор,
Где знаки читаются и письма, —
Сидит огромный орел,
Крылья распахивая порой,
Пронзительно крича,
Грозно клекоча...
На третьей коновязи, на ее
Медном, узорном столбе
Вещая кукушка сидит...

Если эти три птицы
Желали добра
Приезжающему издали,
Если сами чуяли в нем добро,
То за три перехода дневных
Гостя радовали они
Восклицаньем:
– Три жизни живи! —
А если чуяли зло,
А если желали беды
Врагу, подходившему к ним,
Так они заклинали его:
– Дерево мертвое обними!
В дупло войди!
Сгинь, пропади! —

Трех этих вещей птиц
Строитель на коновязи посадил,
Чтобы дом охраняли они,

Чтобы недруга узнавали они.

Если дом огромный
Кругом обойдем,
Посмотрим зорко
Со всех сторон —
Мы увидим глубокий
Дверной проем
И тяжелую, несокрушимую дверь,
Которую семьдесят семь человек,
Напирая плечами семь дней и ночей,
Растопылив ноги, кряхтя,
Не смогли бы приотворить.

Чтобы белого солнца свет
В глубину жилья проникал,
Девяносто девять окон больших
Было пробито в стене,
А в окнах блестит золотой переплет,
Прозрачным затянутый пузырем.
Чтобы с бурного неба
Холодный вихрь
Стужи в просторный дом не надул,
На кровле его
Устроен накат
В три вековых бревна толщиной.
Чтобы снизу, со стороны
Подземных бездн ледяных,
Мороз жилище не прохватил,
Уложены в основание его
Плиты гранитные в шесть слоев.
Чтобы с боков,
С четырех сторон
Буями обуянной земли
Ветер не просквозил —
Вековые лиственницы вокруг
Поставлены в девять рядов.
Чтобы не покривился дом,
Чтоб не садился вовек,
Ни одним не кренился углом,
Под основание дома всего
Были забиты в земную глубь
Мудрым строителем-кузнецом
Девяносто девять самых больших
Лиственничных стволов.

Если в дом войдем,
Поглядим,
Как устроен он изнутри,

Чем такой богатый дом снаряжен, —
Первое, что увидим мы,
Главное, что удивило бы нас —
Это, словно шкуры трехлетка-коня,
Большие блюда вдоль стен,
Которые сами собой
Вертясь, подлетают к столу;
Золотые трехзубые вилки там
Для трапез были припасены;
Когда надо, сами они
Прыгали, сверкая, на стол;
Пузатые миски там
Сами двигались вперевалку, бочком,
Сами варили снедь,
Сами на стол несли;
Стройные кубки в узорной резьбе,
В которые наливают кумыс,
Сами шествовали навстречу гостям.
Деревянные кади там,
В которых масло, кумыс и каймак,
Сами двигались важно к столу,
Едва посмотришь на них.
Здесь топор был,
Который сам прибежал,
Сам колол, рубил и тесал;
Рядом с вилками блестели ножи,
Сами резали мясо они;
Из сплава чудесного тридцати
Металлов выковал их
Кузнец Куэртээни.
Средь покоя трапезного
Стол стоял
С таежное озеро величиной;
Этот круглый стол-сандалы́
Сам, куда ему скажут, шагал
На шести высоких ножках своих.

Здесь не было
Пестрых, красивых вещей,
Здесь не было
Нежных и хрупких вещей;
Здесь так обставляли дом,
Чтобы все было прочно в нем,
Чтобы в убранстве дома того
Не ломалось,
Не трескалось ничего.
Посуда была
На диво прочна,
Чтобы долго людям служила она;

Ведь снаряжался весь этот дом
Для могучих богатырей...
Много было посуды в нем, —
Чаши берестяные, в ряд
Поставленные, чистотою блестят;
Деревянные кубки и черпаки,
Кожаные турсуки
Были там в изобилии припасены,
На любую пору годны...
Первыми в этот прекрасный дом
Вступили старший брат и сестра —
Богатырь небесный Мюльдюн Бёгё
И заклинательница небес,
Шаманка Айыы Умсуур.
Сперва приветствовали они
Громадную печь-камелек
О тридцати стальных обручах;
Будто цельную каменную скалу
Поставили вместо печи сюда,
Так огромен был
Просторный очаг.

Могучий Мюльдюн Бёгё
Сухостоя костер
В лесу наломал,
Гору лиственниц нарубил,
Вековыми стволами набил камелек.
Радостно загудел, запыхал
Девятиголовый огонь;
Не поленья горели в печи,
А деревья пылали, треща.
Шумно воя, взвивался
Священный огонь,
Пламя красное высоко поднялось,
Искры посыпались к облакам.
Заклубился, раскручиваясь в высоте,
Потянулся по небу дым
Сквозь широкую каменную трубу...

Так священный огонь
В очаге разложив,
Озарив, обогрев жилье
Для младших братьев своих и сестры,
Устроив гнездо для детей,
Айыы Умсуур
И Мюльдюн Бёгё
Попрощаться с ними были должны.
К младшим братьям своим и сестре,
Словно к детям, они подошли

С солнечной стороны
И вдвоем пропели они,
Стройно два голоса согласовав,
Благословенье свое.

АЙЫЫ УМСУУР И МЮЛЬДЮН БЁГЁ

Если мы прежде кому-нибудь
Провозглашали:
«Уруй-уруй!» —
Тот счастливо и долго жил.
Если мы говорили:
«Айхал-айхал!» —
Тот, кто наше благословенье слышал,
Желанного достигал.
На груди праматери Кыладыкы,
Где блещет красный камень-сата,
Где пронзительно воеет, кружась над землей,
Дух кровопролитья илбис,
Где жестокие битвы кипят,
Где ходящий на двух ногах
Дома построить не мог —
Как повелел Одун Хаан,
Вы поселиться должны.
Вы должны теперь защитить
Добросердечные племена
Солнцорожденных людей айыы
С поводьями за спиной...
Вы заступниками будете им,
Тесным извечной враждой.

Ты, избранный среди нас
Могучий брат-исполин,
Владеющий Вороным конем,
Стоя рожденным
На грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур!
Наше заветное, наш завет
Запомни прежде всего:
Защити людей уранхай-саха,
Добросердечных, с открытым лицом!
Пусть оружие будет у них,
Пусть отважны будут они!
А ты, не имеющий равных себе,
Никогда их не обижай,
Никогда им горя не причиняй!
Если ты людям зло принесешь,
Далеко отзовется оно,
На потомство твое
Позором падет,
Укором для правнуков будет твоих,
Бедой обернется им...

Брата младшего и сестру
Блюди, сбереги, воспитай!
Предназначено им судьбой
Эту землю обжить, заселить.

Пусть глазами огненными абаасы
Не посмеют на них взглянуть...
Ты сумеешь родных отстоять.
Так смотри же – зорко их стереги,
Чтоб не налетели враги,
Не похитили у тебя
Брата младшего и сестру!

Ну, а если все ж нападут
С южных ураганных небес,
С западных туманных небес
Потомки лютых отцов;
Если все-таки налетят
С северных метельных небес
Свирепые абаасы;
Если из темных подземных бездн
Невидимки-воры придут,
Ты в Верхнем мире достань копье,
Ты в Нижнем мире
Оружье добудь,
Железной своей ногой
Логово их растопчи,
Опрокинь, как берестяное ведро,
Истреби их, выжги дотла,
Громко смеясь,
Пепел развей!

Пока ты живешь,
Не страшись никого
Угрожающего оружием тебе!
Колдовское слово,
Острый язык
Бессильны зло тебе причинить!
Огненный глаз дурной
Не может тебе повредить!..
Проживи со славой век тройной
И да сопутствуют вечно тебе
Удача и торжество!

Заклинаем вас от всякого зла,
Младшие брат и сестра!
Да не спрячется враг
За спиной у вас,

Да не рухнет оплот
Под ногой у вас!
Пусть обилием ваш дом одарит
Щедрая Иэйэхсит!
Пусть вам навстречу летит
Светлая Айыысыт!
Счастье вам, слава!
Уруй-айхал! —

Так благословенье произнесли
Старшие брат и сестра.
Улыбаясь, к младшим они подошли
С солнечной стороны,
По три раза поцеловали их
В верхнюю губу,
Обнюхали шестикратно у них
Нижнюю губу,
Так что каплями просочилась кровь
На юношеских губах.

Дивная старшая их сестра
Шаманка Айыы Умсуур
Повернулась,
Перекувыркнулась вдруг
И обернулась на их глазах
В белокрылого журавля;
С клювом граненым,
С каменной ножкой,
Птицей-стерхом
Стала она,
Крылья раскрыла,
Ввысь поднялась,
И улетела
Белой стрелой...

Старший брат их —
Могучий Мюльдюн Бёгё
Так глубоко воздух в себя вдохнул,
Что вихрь зашумел над землей...
Вдохом могучим своим
Притянул к земле исполин
Пролетавшую в высоте
Тучу темную о семи головах
И на той огромной туче густой
Поднялся с земли,
Улетел...

Летающий над землей
На Мотыльково-белом коне

Юноша Юрюнг Уолан
И красавица Айтальын Куо,
С весельем на лицах,
С печалью в сердцах
Проводили старших своих.

А владеющий Вороным конем,
Стоя рожденным
На грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур,
Слушая слова похвалы,
Радости не явил,
Прощаясь,
Печали не показал;
Молча в руки взял он копье,
Молча поднялся он
На кручу плоской горы,
Где широкая площадь была
Для богатырских игр.
Опираясь
На ратовище копия,
Он прыжками огромными
Прыгать стал
По двенадцати раз
На одной ноге,
Как ведется в игре кылы.
Так испытывать начал он
Быстроту и силу свою...
Через голову, в воздухе, на бегу
Перевертывался богатырь;
А как с разбега на землю сел,
Как ударился задом
Об землю он,
Раскололась каменная гора,
Трещинами раздалась.
А потом
Повалился на спину он,
С боку на бок
Кататься стал.
Как железо, были его бока,
Сам он грузен был, как гора...
От игры его,
От катанья того
Разваливаться начала,
Рассыпаться дресвой пошла
Каменная скала.

В неволе выращенный исполин,
Воле радуясь, как дитя,

Всей широченною пятерней,
Тяжеленной ладонью своей
Так зашлепал увесисто по земле,
Что отгулом заухала даль...

Бурно мчались мысли его,
Не помещались, видать, в голове.
И такие он
Бормотал слова:
– Если Верхнего мира
Несчетная рать,
Если Нижнего мира
Несметная тьма,
Если все проклинаемые племена
Адъараев и абаасы
Нагрянут сюда ко мне,
Всем им
Толстые черепа раздроблю,
Всем им
Шеи рогатиной проколю,
Клетки грудные
У них раздеру,
Многожилые вырву сердца,
Толстые горловые хрящи
Исторгну из глоток их! —
Так он зычно кричал,
Хохотал...
А потом
В несколько прыжков поднялся
На высокий
Горный хребет;
Острые скалы
Гребня его,
Отвесные утесы вершин
Ударом ноги
Откалывал он,
Обвалы обрушивал вниз.

И совершилось чудо, друзья!
От колодок свободные ноги его
Легче ветра стали,
Вихря быстрее...
От веревок свободные руки его
Силой хватистой налились.
Как по камню он
Кулаком ударял —
Камень трескался,
Загорался огнем;
Как босой ногою

Утесы пинал —
Рассыпались утесы дресвой...
Взволновалась, словно вода
В берестяном турсуке,
Изначальная мать-земля,
Содрогнулась всю твердыней своей,
Изогнулась по середине своей...
Долина великая Кыладыкы
Пронзительно выть начала,
Красным пламенем занялась...
От Нюргуновых богатырских забав
Ураган вихревой поднялся —
Такой жестокий ветер подул,
Что по воздуху камни несло
С двухлетнюю телку величиной;
Тучей взлетел над долиной песок..
Так вот — силою богатырь,
А разуменьем — еще дитя,
Тридцать дней и ночей подряд
С криком, гиком играл
Нюргун Боотур...

В богатырской этой игре
Ожесточился норов его,
Шея выпрямилась,
Большие глаза
Разумом могучим зажглись,
Силой грозною налились.
Как кувалдой кузнечною,
Кулаком
Бил себя он
В гулкую грудь;
Вспоминая Нижний бедственный мир,
Проклиная железную колыбель,
Адьяарам расправой грозя,
Он пятой богатырской
В землю стучал;
Запрокинув голову высоко,
Он грозил небесным абаасы,
Ругательства выкликал...
Хоть не видел он никого
В пробегающих облаках,
Для острастки
Огромным своим кулаком
Западным угрожал небесам,
Поворачивался спиной,
Задницу показывал небесам.

А потом Нюргун Боотур

На том самом месте, где он играл,
Повалился спать,
Уморился, видать,
От игры богатырской своей.
Груда мелких камней
Мягким ложем ему была;
Черная каменная скала
Под голову подушкой легла.
Тридцать дней и ночей подряд
Без прѣсыпа он проспал.

Как могучий кузнечный мех
Кузнеца Куэттээни,
Шумно дышала его спина;
Храп его летел далеко,
Будто грохотала река,
Крушащая толстый лед,
Выходящая из берегов;
Храп его далеко летел,
Будто гром вдалеке гремел...
От шумного дыханья его
Качались высокие деревья,
Шелестела в лесах листва,
Вихрями завивалась пыль,
С хрустом, свистом взлетал песок,
Залетал в открытые ноздри его,
Клокотал в гортани его.
Кто видал, как спит Нюргун Боотур,
Наверняка подумал бы тот,
Что так безмятежно способен спать
Только рожденный стать
Великим богатырем...

Как минуло тридцать дней и ночей,
Проснулся Нюргун Боотур,
Резво на ноги поднялся;
Сильно проголодался он,
В ближний лес пустился бегом.
Он летел, как быстрый огонь,
Только пятки босые богатыря
Мелькали в густой траве.
Был он гол, необут, не одет,
Глубоко в чащобу лесную зайдя,
Начал громко он заклинать,
Начал благословлять
Байаная – хозяйина темных лесов,
Хозяйина четвероногих зверей;
Помощи просил у него...

НЮРГУН БООТУР

Уо-уо!
Уруй-айхал!
Пущи темной дух
Со щедрой рукой,
С гривой густой,
Со счастливой судьбой,
Несметно богатый
Дед Байанай,
Обернись ко мне,
Улыбнись!

С дивной силой
Во внутренних мышцах своих,
Со стальным сухожилием в пальце большом,
С грозной мощью
В наружных мышцах своих,
С не знающей промаха пятерней,
Скрытый за черной
Чащобой лесной
Хаан Хандыган-исполин,
Живущий в дремучей тайге,
Зовущий могучей глоткой своей
Дородный Алып Сэгэйэн,
Сверху взгляни на меня,
Зверя гони на меня.

Твой широкий алас —
Высокий лес,
Твой скотный двор —
Дремучий бор,
Твой коровий варок —
Обгоревший лог,
Дверь твоя —
Лесной бурелом,
Твой богатый дом —
Вся тайга кругом,
Летняя твоя ураса —
Лиственные леса.
Березы, влажные от росы —
Белое ложе твое,
Поваленный ствол —
Подголовье твое,
Буреломный завал —
Одеяло твое;
Могучий дух

Дремучих лесов,
Круглые мерцающие зрачки,
Звериный пастух
Эрбэс Боотур!
Крупных зверей,
Мелких зверей,
Черных и белых
Пушистых зверей,
Которых не счесть у тебя,
С верховий речных,
Из урочищ глухих,
Гони ко мне,
Гони ко мне!
Охотничью мне
Удачу пошли!
Дай мне столько дичи набить,
Сколько на́ плечи подниму,
Сколько до́ дому донесу —
Лишнего не прошу.
Эгей! Торжествуй,
Эндэлюкю Бекенэй!
Помогай мне,
Элип Хандыгай!
Призываю тебя,
Называю имя твое
Голосом зычным своим!
Отголосками по перевалам глухим
Я прославляю тебя,
Благословляю тебя!
А за помощь отблагодарю,
Щедро я тебя отдарю! —

Только песню эту пропел богатырь,
Не успел он дыханье перевести,
Как в ответ
За стеной чащобы лесной
Чье-то стенание пронеслось,
Будто распахнулась, шумя,
Непролазная гуща тайги, —
Чей-то голос
Густо запел,
Зычный голос
Захохотал, загудел...

ГОЛОС БАЙАНА

А-аа! Хаа-хаа!
А-аа! Хаа-хаа!
А можешь ты в беге тягаться со мной?
А можешь в прыжках состязаться со мной?
Ох, помолчи!
Ох, не смей!..
Чей младенец сюда забрел?
Чего он наговорил?
Обещает отблагодарить,
Обещает он отдарить —
Кого?
Меня самого?
Это кто прокричал
На весь перевал
Громкое, славное имя мое?
Ну что ж,
Ну что ж!
Может быть, я стрелой полечу,
Скачками огромными поскачу
В потаенные чащи мои,
Может быть,
Всполошу, взгоношу
Отдаленные пущи мои,
С верховий речных,
Из урочищ лесных —
Захочу – подыму, пригоню
И мелкую дичь,
И крупную дичь...

Знай, это сам я —
Баай Байанай —
Беспримерную удачу дарю,
Кого захочу, того одарю.
А-аа! Хаа-хаа!
А-аа! Хаа-хаа!
Ну вот —
Сколько дичи – смотри!
Иди – добычу бери...
Столько дам тебе,
Сколько ты в силах поднять,
Сколько дó дому донесешь...
А ты мне подарки сулил,
Насмешил меня,
Развеселил! —
Так хвастливо ответил

Смешливый старик
Эндэлюкю Бекенэй,
Веселый хозяин лесной,
Прославленный Баай Байанай;
И ушел,
Перепрыгнув дремучий урман,
Только выше хвойных вершин
Промелькнула шапка его...

Осмотрелся вокруг
Нюргун Боотур
И видит – огромный лось,
Выйдя из чащи,
Встал перед ним,
Глазами землистыми поглядел,
Переносицей горбатой повел,
Фыркая и сердясь,
Грузные наклоня рога;
Дыбом на холке его
Волосы поднялись.
Понял Нюргун Боотур —
Зверь его вызывает на бой;
Взревел богатырь,
Как свирепый бык,
Прямо на лося
Прянул он,
Ударил зверя по голове,
Ударил со всею силой своей
Каменным кулаком.
Череп лося,
Как гриб-дождевик,
Рассыпался под ударом его;
От размаха могучего своего
Поскользнулся сам Нюргун Боотур,
Без опоры оставшись, упал
На огромную каменную скалу,
Где вековые деревья росли.
Деревья в паденьи своем сломал,
Скалу, как дресву, раздавил...
Сильно перепугался он,
На ноги быстро поднялся он,
Огляделся вокруг себя —
Лось невиданной величины
Недвижимо лежал на земле,
Не было у него головы,
Голову снес богатырь кулаком.

Видя первую победу свою —
Силы своей торжество,

Радостно юноша закричал,
За ноги задние лося схватил,
Волоком за собой потащил.
Быстро с добычей вернулся он
К жилью своему —
На обширный двор,
К дому серебряному своему,
К дымному очагу...

Темную тяжелую дверь,
Которую семьдесят семь человек,
Напирая плечами семь дней и ночей,
Растопылив ноги, кряхтя,
Не смогли бы приотворить,
Чтобы палку в щель пропихнуть,
Эту грузную тяжкую дверь
Настежь Нюргун распахнул;
Дверь открылась, весело хохоча,
Доска, на которой он
Добычу хотел рубить,
Пробренчала: – Иду, иду! —
И, плавно кружась, прилетела сама.
Порожденный илбисом самим,
Подпрыгивая на топорище своем,
Широкий топор прибежал,
Кованный из тридцати слоев
Чародейных сплавов стальных;
Маленький острый нож
Сам, подпрыгивая, прискакал,
Шкуру начал с лося сдирать.

Стремительный Нюргун Боотур
Посмотрел на свою сестру,
Оглядел ее с головы до ног, —
Одета красиво была она
В драгоценные собольи меха;
Столько было на ней куниц,
Сколько выдержать бедра могли,
Столько сверкающих серебром
Камчатских морских бобров,
Сколько подымала спина.
Поглядел на брата младшего он —
Тот сидел, сверкая белой броней
Из трех пластов серебра;
Ровдужная одежда на нем
Была соболями опушена,
Красной кожи его сапоги
Были шиты узором цветным.
А потом на себя поглядел Нюргун —

И стало стыдно ему:
– Ох, и трудно же будет мне
Нагишом по далеким странам ходить! —

Одеться он захотел,
Шкуру с лося проворно снял;
Еще мокрую, шкуру добычи своей
На колени себе расстелил;
Шкуру передних ног
На руки себе натянул;
Шкуру, снятую с задних ног,
На ноги напялил себе
И порадовался – он решил,
Что одежда его хороша.

Огромную, о трех обручах,
Корчагу он в руки взял.
Так была корчага та велика,
Что едва входили ее бока
В устье широкого камелька.
От изобильной влаги земной
Чистой водой ключевой
Наполнил корчагу он,
Гору мяса в нее навалил,
На огонь поставил варить.
Только варева духом густым
Наполнился трапезный покой,
За шестиногий стол-сандалы
Сел проворно Нюргун Боотур,
Руки по столу распластал.

Деревянная миска, с полки слетев,
Подпрыгивая и кружась,
Сама примчалась на стол.
Широкое блюдо само собой
Явилось за мискою вслед;
Наполненный кумысом чорон,
Не расплескиваясь, пришел;
Деревянные ложки, сами собой
По воздуху прилетев,
Стукнулись о доску стола,
На месте смирно легли.
Острый ножичек, тонко звеня,
И золотые вилки за ним
Явились на стол.
Вилка сама из корчаги большой
Мясо вытащила
На широкий поднос...
Трое сели за шестиногий стол,

Но, как будто триста было гостей,
Перебрасываясь словами, они
Стали весело пировать,
Пить кумыс, смеяться, шутить.
Старший брат Нюргун Боотур
Мяса толстые ломти брал;
Он руками горячее мясо брал,
Проворно его пожирал.
Клал он в рот огромные мяса куски,
Величиною с кошму,
Он глотал огромные мяса куски,
Шириною в конский потник,
В рот он горячее мясо кидал
С правого края губ,
Кости выплевывал изо рта
С левого края губ.
Насытился, взял высокий чорон,
Весело поднял его
И в свою разверстую пасть,
В широкое горло свое
Опрокинул пенный кумыс.
Много съел, много выпил он,
Встал из-за стола своего,
Дверь широкую распахнул, —
Раскрываясь,
Громко смеялась дверь...

Вышел из дому Нюргун Боотур,
Стал посреди двора,
Зорко, внимательно все вокруг
Глазами круглыми оглядел, —
Что же увидел он?
Обещанный от рожденья ему,
Вещий Вороной его,
На грани белых небес
Стоя рожденный конь,
Привязанный за ременный чембур
К медному коновязи столбу,
На котором сидел орел,
Нюргун Боотуру предстал.

Так привязали коня,
Что кверху голову он задирает,
Сердито фыркает и ржет,
Копытами каменными четьрьмя
В нетерпении о землю бил;
Косматая грива коня
Взлохматилась на ветру;
Хвост, как лодка,

Летящая в быстрине,
Пластался во всю длину,
Сыпал синими искрами
Черный хвост;
Конь то ногами перебирал,
То на дыбы вставал.

Волосы на загривке его,
В три маховых сажени длиной,
Копьями поднялись;
Смоляная грива его,
Длиной в семь размахов рук,
Играла серным огнем;
Черный волос на крупе коня,
Растущий в три ряда,
Взъерошился
И шипел
Вспышками голубого огня;
Широкие белые уши его,
Похожие на носки
Походных тунгусских лыж,
Настороженно торчали вверх,
Как боевые ножи.
Крупные, круглые мышцы коня
Перекачивались
Под кожей тугой.
Зубчатая белая полоса
Тянулась вдоль хребта,
Будто вырвал когтями
Небесный орел
Эту полосу у него.
Гулко трескучие ноздри коня
Трепетали...
Бронзовые удила
Сверкали, как солнечный луч;
В золоте оголовье коня,
Шелковые поводья на нем
Девятисаженной длины;
Словно облако, под седлом, потник,
А бока широкого чепрака,
Как закатные облака;
Плотно сидит на спине
Ладное крутое седло;
Перистой тучей поверх потника
Летучий брошен ковер;
Как двенадцать радуг,
Двенадцать подпруг
Пестрым шитьем горят;
Чеканные, по бокам

Стремена стальные висят.
Так рвался конь,
Что тугая узда
Едва удерживала его.
Боками широкими поводя,
Огненным оком кося,
У коновязи бился, дрожал
Кюн Дьэсегея
Конь дорогой...
Обрадовался богатырь,
Видя такого коня,
Долго им любовался он;
Потом подошел,
От столба отвязал,
Поводья шелковые ухватил;
Как орел небесный,
Прянул в седло,
Заскрипевшее звучно под ним,
Крепко сел
На широком седле.
Жаждой пространств
Обуянный конь,
У коновязи
Застоявшийся конь
Продолжительно,
Звонко заржал;
Как поющая на лету стрела,
Спущенная с тетивы,
С места рванулся,
Вдаль поскакал.

Словно крылья гоголя по весне,
Ветер в ушах Нюргуна свистел.
Дивный конь
Широкой грудью своей,
Твердой, бронзовой грудью своей
Рассекал налетающий вихрь.
От ударов его копыт
Искры сыпались из кремня,
Грива черная на ветру
Клубилась тучею грозовой,
Кромсаемой молниями в высоте,
Пласталась, как темный дым;
Хвост, как длинная лодка
В быстрой реке,
Метался, бился, шипел,
Вспыхивая серным огнем,
Рассыпая синие искры окрест.

Этот конь,
Воспеваемый в олонхо,
Прославляемый далеко,
Поистине был могуч.
На грани летящих белых небес
Стоя рожденный
Конь Вороной
С юношей седоком на спине
В бескрайнюю ширь,
В непомерную высь
Торжествующего неба взлетев,
Ровно тридцать три
Ревущих дня,
Тридцать три
Вопящих ночи подряд,
Не отдыхая, скакал.

Мчался ввысь,
Устремлялся вниз —
На вершине плешивых гор;
Напрягая мышцы свои,
Ударяя копытами о скалу,
Опять в высоту взлетал;
По беспредельным степям
Широким наметом шел,
По перевалам крутым
Тропотою пробегал,
Топотал.
То он в высоту поднимался, кружа,
Тонко от нетерпения ржа,
То, словно четыре грома с небес,
С грохотом на землю ниспадал,
Пóверху, пóнизу он летел,
Днем и ночью неутомимо скакал.

Слетая с колен коня,
Восемь вихрей клубилось, гудя;
Хватаясь за гриву коня,
Семь безумных илбисов
Билось, вопя,
Под чугунной грудью коня
Серные мелькали огни...

Мерзлые деревья по следу его,
Поваленные скоком его,
Как шаманы тунгусские, под горой
Камлавшие, волосы растрепав,
Крутились по девять дней и ночей;
Сухие деревья в тайге,

Обрушенные копытом коня,
Прыгали и крутились за ним
Шесть дней и ночей подряд,
Словно Илбис Кыыса,
Хлопая в ладоши, вопя,
Прыгающая
В помраченьи ума...

Древние деревья,
Рухнувшие в тайге
От ударов его копыт,
Толпой голосащих старух
Были, вопили вослед.
Конь летел могучей стрелой,
Пламенел
Падучей звездой;
Лишь на тридцать четвертый день
Понемногу сбавляя бег,
Стал среди равнины степной;
Всей глубокой утробой своей
Громко, радостно он заржал,
Горой в долине нагромоздил
Горячий, железный кал,
Широкую балку меж двух холмов
Потоком мочи затопил;
По воле всадника своего
Иноходью пошел не спеша,
Ровно, легко дыша.
А юноша Нюргун Боотур —
Как сел он,
Так и сидел в седле.
Только, — после скачки такой,
Не жужжал, не гудел
Осол Уола;
Над макушкой его головы
Не вопила в уши ему
Неистовая Илбис Кыыса,
Не били ему в лицо
Восемь гремящих вихрей степных,
Семь спутников безумных ее...
Семь илбисов — утихли,
Прочь отошли.
Юноша Нюргун Боотур,
Горделиво сидя в седле,
Сдвинул брови,
Прищурил глаза,
Осмотрелся по сторонам,
Сам на себя поглядел
И в удивленьи увидел он,

Что от шкуры лося,
Убитого им,
От самодельной одежды его
Не осталось на нем ни клочка;
Все сорвано ветром
В скачке лихой,
Остался он голым, как был...

Вот и вспомнил Нюргун Боотур
Обычай древних времен:
Прежде исполин-богатырь,
Вступив на грань трех миров,
Трех своих родичей-кузнецов
Просил изготовить ему
Несокрушимый трехслойный щит,
Четырехслойную
Кольчугу-броню,
Чтоб от вражеских топоров
Крепкая защита была.
Охваченный мыслью своей,
Подъехал Нюргун Боотур
К дому обширному своему,
К коновязи с медным столбом,
Где сидел, клекотал
Небесный орел.
Вошел он —
Старший брат-тойон —
С восьмихвостым
Священным ремнем в руке
В широкую дверь,
В просторный покой;
Младшему брату,
Младшей сестре
Сказал такие слова.

НЮРГУН БООТУР

Ну вот!
Ну вот!
Вы – зеницы моих очей,
Вы – десны белых моих зубов,
Златогрудые жаворонки мои!

Братец мой младший
Юрюнг Уолан,
Летающий высоко
На Мотыльково-белом коне!
И ты, сестричка моя,
Младшенькая
Айталын Куо,
Красавица с восьмисаженой косой,
Желтое сокровище
Белых небес.
Жаворонок дорогой
Жарких весенних небес!
Слушайте парой своих
Растопыренно чутких ушей
Твердое слово мое:

Вспомнил я,
Что послан сюда
В необжитый Средний мир,
В долину дикой земли,
Властелина не знавшую до сих пор,
Для того, чтобы дать отпор
Налетающим сверху врагам,
Набегающим снизу врагам,
Истребляющим род уранхай-саха.
Я послан сюда
Защитить, оберечь
Добросердечные племена
Солнцорожденных детей
С поводьями за спиной.
А чем же сражаться мне?
Нет у меня
Ни меча, ни щита!
Не во что здесь на земле
Одеться, обуться мне!..

Мне завещано в древние времена
Небывалые подвиги совершить,
Славой зычною прогреметь

В трех сопредельных мирах.
Позавидуют славе толстой моей,
Позарятся на душу мою
Небесные лютые абаасы,
Железные люди подземных бездн...
Налетят на меня —
Захотят погубить
Чудовища бурных небес,
Отборные богатыри,
Чьи огненные убивают глаза,
Чьи длинные клювы остры;
Нападут невидимки поддонной тьмы,
Оборотни адьарайских племен;
Преследуя меня, полетят
По горячим моим следам,
Рыская, побегут
По остывшим моим следам...
С пустыми руками тогда
Трудно придется мне!
Как я грудью дам им отпор
Без оружия, без брони?
Чем сокрушу
Макушки врагов
Без колотушки во сто пудов?
Как я – голый – пойду на бой?

Здесь, где ныне
Мы с вами стоим —
Средь великой равнины
Кыладыкы,
Выковали искусной рукой,
Выстроили для нас
На незыблемых опорах стальных
Тридцатихоромный
Серебряный дом
Под кровлею золотой;
Коновязью поставили нам
Три восьмигранных медных столба.
Слыхал я такую весть:
Ковал жилище для нас
Ковач великий Баалтааны
И подручные молотобойцы его.
Я этого кузнеца
По свету искать пойду, —
По далеким следам пойду,
По широким следам пойду...
Не вернусь, пока не найду.

Пусть над вами

Птица не пролетит,
Пусть под вами
Подземная мышь
Хола сквозного не прогрызет,
Пока я буду в пути!
Прощайте надолго,
Ждите меня! —
Сказал Нюргун Боотур.

Не успели бедняжки
Брат и сестра
Выбежать на широкий двор,
Брата старшего проводить,
В дорогу благословить,
Как его уж и след простыл...

Богатырь великий —
Старший их брат
В сторону перевала Куктуй,
Как длинный дым, улетел.
Только вихрем пыль
Заклубилась за ним,
Только молнии за горой
Вспыхивали по следу его,
Только гром вдалеке
Громыхнул и затих...
Над хребтами могучих гор,
Над грядками бегущих туч,
Стремительный Нюргун Боотур
Без дороги скакал наугад,
Говоря: «Наверно, сюда!»,
Веря чутью
Коня своего.

Под нависающий
Бурный край
Северных угрюмых небес
Проскакал он вдоль
По реке Куктуй,
Через множество притоков ее,
Где водопады шумят,
Перекалы каменные гремят,
Неприкаянно чайки кричат.
Только ветер
Протяжно свистел в ушах,
Только девять вихрей
Летело вослед
Да клубилась белая пыль
На расстояньи трех дней пути.

Долину светлую он миновал,
Семь перевалов перевалил,
Восемь перевалов перескочил.
Желтые аласы-поля
Оставил давно за спиной.
По дикой тундре
Скакал его конь,
По каменистым балкам речным,
По редколесью бежал...
Железной грудью разбрызгал конь
Заповедное озеро Чоохурутта,
Где водяные сигают жуки
С подтелка величиной.
С размаху разбрызгал конь
Озеро Бадылытта,
Где лягушки —
С лошадь величиной;
С разбега выплеснул из берегов
Глубокое озеро Тынгалытта,
Где огромные ящерицы живут
С пестрым хвостом,
Как столетняя ель.
Он широко расплескал
Озеро Суналытта,
Хоть вопило,
Просило пощады оно,
Хоть скалы выли на берегу,
Хоть орали
Кругом леса...
Там скрывает землю
Серый туман,
Там пасмурно брезжит день,
Там свирепо играет
Осол Уола,
Там безумно камлает
Илбис Кыыса...
Пить хотят они черную кровь,
Мыться в горячей крови,
Толстые кости колоть,
Длинные кости грызть...

Миновал это место Нюргун;
Тут небесный его скакун
От северных угрюмых небес,
От скудной тундровой стороны,
По отрогам ржавых,
Железных гор
К западу повернул...

От удара каменных
Конских копыт,
Словно от громовой стрелы,
Толстые деревьев стволы
Раскалывались на куски,
Разлетались крупной щепой;
Большие обломки стволов,
Как дородные тойоны-князя,
Стоя, беседовали меж собой;
Обломки густых ветвей,
Как степенные женщины-госпожи,
Бедрами покачивая на ходу,
Важно шагали вслед;
Осколки сучьев сухих
Голодной стаей волков
Протяжно выли вдали...
Вывороченные корни дерев,
Медведями встав на дыбы,
Ревели в чаще лесной...

Скоро всадник,
Споро скакал,
Рассыпая искры из-под копыт;
Пролетел свой путь
Падучей звездой,
Быстро он предела достиг,
Где стремительно мчится
Нижняя грань
Небосвода, нависшего над землей,
Где три мира сошлись,
Где семь рек обнялись,
Где восемь рек шумливо слились,
Где девять бурных рек,
Друг друга за руки взяв,
В русле одном понеслись.

Там увидел Нюргун Боотур
Просторный, железный
Гремящий дом;
Содрогались тридцать его боковых,
Грохот летел изнутри...
Осадил коня богатырь,
Пристально осмотрел
Дом огромный
И дол окрест.
Черные там деревья росли
На черной от сажи земле;
Взрытые глубоко,
Недра зияли кругом

Рудных, опрокинутых гор.

В доме том
Неумолчно гремел
Молот великого ковача,
Исполина Баалтааны;
Там кроваво рдел,
Пламенел, шипел
Сумеречный огонь,
Тяжело вздыхали мехи
Чародея Куэйтээни,
Чад вздымался,
Синий огонь трепетал;
Здесь плакал протяжно
Напильник стальной,
То громко визжал,
То пел и журчал...
Там в железных опилках
Каменный пол
Ржавчиною взбухал;
Из-под молота разлетались кругом
Окалины раскаленной куски,
Ярко горел
Камень-сата,
Покрытая пеплом
Сухая земля
Вздыхала, просила: – Пить! —

В этом доме, оказывается, была
Кузница, где обитал,
Железом полосовым грохоча,
Заклинания бормоча
На неведомом языке,
Мудрец седой,
Кузнец-чародей
Кытай Бахсылааны.

* * *

А когда скакал Нюргун Боотур,
Услыхали стук тяжелых копыт,
Ощутил земную дрожь
Домочадцы древнего кузнеца.
Через толстые кости
Лопаток их
Гул копыт им в сердце проник,
Нарастающий топот приснился им...

Стали бредить они,
Метаться во сне,
Начали тяжело стонать,
Слова непонятные говорить,
Спросонья протяжно петь.
Переполох поднялся
От приезда богатыря.

Первая очнулась от сна
Удалая старуха,
Жена кузнеца
Уот Кындыалана.
От шумно горящего в горне огня
Через каменный дымоход
Синее пламя взлетело столбом,
Когда голову она подняла,
Когда воздух выдохнула она
И голосом громовым
Причитать, стонать начала...
Далеко разносились кругом
Оханья и вопли ее.

ГОЛОС СТАРУХИ УОТ КЫНДЫАЛАНА

Ой, жарко мне!
Ой, тяжело мне!
Ох, тошно! Ох, душно мне!
Грузный топот конских копыт
Разбудил меня,
Встревожил во сне...
От грузного гула копыт
У меня затылок трещит,
Сильно ломит кости мои,
Утроба моя
Огнем горит...
Ой, жарко,
Ой, тошно мне!
Наливаются кровью мои глаза,
Выскочить хотят из глазниц,
Сердце щемит,
Шея гудит,
Кожа горит, зудит...
Не болевшее никогда,
Брюхо мое болит!
Проснись, подымись поскорей,
Заклинательница моя,
Камлательница моя,
Гусыня, мотающая головой,
Доченька лихая моя —
Куогалдыма Куо!
Ты надень-ка на шею скорей
Удаганские украшения свои,
Сделанные из костей девяти
Шаманов древних времен:
Ожерелья надень из костей
Шамана великого Хоккуллэ;
Колдовские запястья надень,
Сделанные из позвонков.
Что оставил шаман Курбалдын!
Ворох золы наскреби,
Проворно выйди во двор,
Кто бы там ни явился к нам,
Кто бы ни был он, имеющий тень,
Горстью золы ты в него метни,
Гостя заживо похорони,
Чтоб не ныли кости мои!
Ой, жарко!
Ой, тяжело мне!
Ой, тошно! Ой, душно мне! —

Так старуха, жена кузнеца
Причитала, громко вопя.
Далеко был слышен
Голос ее...

Крутящаяся, как вихрь,
Заклинательница ее,
Лихая камлательница ее,
Гусыня, мотающая головой,
Ожерельями костяными гремя,
Украшеньями колдовскими бренча,
В лад кружению своему
Пристукивая ногой,
Наклонилась, но вместо золы
Пыли железной горсть наскребла.
Вылетела, крутясь, из дверей,
Выбежала на широкий двор,
Да споткнулась, видать,
О высокий порог,
Рассыпала железную пыль;
Разъярилась она,
Раскрутилась она,
Как вихрь, шелестеть пошла,
Узкими шелками глаз
Ничего разглядеть не могла.

Широкую, как лопата, ладонь
Приставила ко лбу она,
Смотрела на облака,
На вершины железных
Трясущихся гор,
Повернулась потом на восток,
Вытянув длинную шею свою,
Голову, как ворона, склонив;
Толстое в скулах лицо
Поворачивала на север она;
Неуклюже согнувшись, потом
Повертывалась на запад,
На юг...
Сколько ни глядела вокруг,
Никого разглядеть не могла.

Стремительный Нюргун Боотур
Развеселился, смотря на нее;
А потом по задымленному столбу
Коновязи
Кулаком постучал, —
Затрещала коновязь кузнеца,
Трещинами пошла...

И такие слова Нюргун
Голосом звучным пропел.

НЮРГУН БООТУР

Выйди скорей
Ко мне из дверей,
Раздувающий синий огонь,
Изрыгающий бурю
Мехом своим,
Играющий молотом
Древний кузнец,
Славный Куэттэни,
Исполин, чьи могучие
Мышцы черны,
Богатырь со смуглым лицом,
Отбрасывающий зыбкую тень,
Знаменитый Баалтааны,
Чья почтенная зовется жена
Уот Кындыалана!
Эй, корень богатырей-силачей,
Отец прославленных ковачей,
Поседевший у наковальни своей,
Старец Кытай Бахсылааны!
Имени громкому твоему,
Зычной великой
Славе твоей
Низкий мой поклон и привет!

Если хочешь узнать, кто я,
Прискакавший издалека,
Ожидающий перед домом твоим,
Называющий имя твое,
Поющий тебе хвалу,
Из какой я вышел страны,
На каком аласе рожден,
От какого корня возрос,
То узнай:
На вершине белых небес
Мой великий отец живет —
Верхнего мира тойон;
Равная отцу моему,
Есть на небе мать у меня,
На верхней части они живут
Высоких, вечных небес.

А меня самого зовут —
Владеющий Вороным конем,
Стоя рожденным
На грани небес,

Стремительный Нюргун Боотур.
Вот я сам стою
Перед домом твоим,
Я пришел по воле своей.
Поклоняюсь трем твоим темным теням,
Помощи у тебя прошу!
Если из Нижнего мира придут
Исполины-богатыри,
Если из Верхнего мира придут
Свирепые удалыцы
Состязаться в силе со мной,
Если с угрозой они посягнут
На громкое имя мое,
На добрую славу мою,
Должен встретить достойно я
Этих грозных богатырей.
А для долгих битв,
Для упорной борьбы,
Оружие нужно мне —
Рогатина,
Меч-пальма,
Топор боевой чомпо!
Мне в таком оружьи нужда,
Которое ты ковал
На колдовском огне;
Чтобы с визгом оружие
В битву рвалось,
Чтобы жаждало крови врага,
Чтоб не тупилось оно!
Вот чего я жду от тебя,
Вот зачем приехал к тебе...

Если удалыцы трех миров
Тучею на меня налетят,
Захотят пролить мою кровь,
Жизни меня лишить,
Копья станут в меня метать,
Острыми мечами разить, —
Для защиты дыхания моего
Преграду надежную мне изготовь,
Неразрубаемую броню,
Непробиваемый щит;
Из восьми слоев железа броню,
Из трех слоев булатный щит,
Сверкающий, как серебро!
Жду, кузнец, что наденешь ты
Такую броню на плечи мои,
Такое оружие мне дашь!
Коль исполнишь просьбу мою,

Обрадуешь ты меня!
В долгие годы жизни моей
Благодарить не устану тебя;
Щедро тебя отдарю
Табунами коней верховых,
Тучным рогатым скотом!

Пока не исполнишь просьбу мою,
Пока не дашь того, что прошу —
Добром не уеду я,
Миром от вас не уйду...
Прославленный мой сосед,
Великий старец-мудрец,
Могучий, жду от тебя
Громкого слова: «Бери!»
Быстрее это слово скажи! —
Вот так Нюргун Боотур
Взволнованно, горячо
Высказал просьбу свою.

Бряцающая украшением своим,
Колдующая ожерельем своим
Из костей шаманов былых времен,
Заклинательница железных дверей,
Камлательница кузницы той,
Дурнушка, дочь кузнеца,
Куогалдыма Куо,
Могучего богатыря увидав,
Громовый голос его услыхав,
Резво плечиками повела,
На железную кровлю вспрыгнула вмиг;
Проломилась ржавая кровля под ней,
В кузницу полетела она,
Опрокинула полку, где клал кузнец
Напильники и зубила свои,
Села на чувал камелька
Перед матерью старой своей —
И, суетясь, непрерывно вертясь,
Запела отрывисто, торопясь...

КУОГАЛДЬЫМА КУО

Ой, беда мне!
Ой, радость мне!
Ох, как пойду я
Шуметь, греметь...
Ох ты, лихо мое!
Любопытство мое!
Такой красавец
Приехал к нам,
Что даже во сне
Не снился мне.
Солнце плечами
Он заслонил,
Небо спиною
Загородил,
В землю проваливаются
По колено
Дюжие ноги его,
В камне вязнут
Босые ноги его!

Из дальних стран
Явился к нам
Достойный меня
Дружок-женишок!
Спать он будет со мной
В постели одной!
Прискакал за мной,
Прилетел стрелой
Сам Нюргун Боотур,
Богатырь удалой...
Знать, молва обо мне
До него дошла,
Страсть ко мне
Его привела...
Он там, у дверей,
Белоногий – стоит,
Увидал меня —
Задрожал...
Ох, радость мне!
Ох, праздник мне!
Кричу, шумлю!
Молчу, терплю!
Истосковалась я по нему —
По суженому моему!
Замирает сердце мое,

Распирает печень во мне!
Принесите
Сорок отборных шкур,
На которых
Правлю кырар,
Принесите сорок облезлых шкур,
Заскорузлых за девять веков,
Разверните их,
Расстелите их!
Мой суженый,
Мой красавец-жених
Лечь на ложе
Хочет со мной...
Если лопнет терпенье его,
Если рассердится он —
Всем вам тогда
Будет беда...
Эх, сестрицы,
Братцы мои!
Есть теперь у меня
И свой муженек...
Буду вдоволь беременеть я,
Ежегодно стану рожать
По восьми плешивых детей,
Через год я стану рожать
По семи паршивых детей!
В клочье ложе кожаное изорву,
Шкуры, содранные
С околевших быков,
В лоскуты от радости раздеру!
Ух ты! Держись у меня!.. —
Так – девушка бедная —
Пела она
В диком исступлении своем.

Вдруг раздался
Хлесткий удар
По плоскому затылку ее...
Пронзительно закричала она;
Чей-то еще щелкнул удар,
Потом железный,
Острый крюк
Поддел ее под ребро,
Поднял к черному потолку;
Сорвалась оттуда она,
Упала на пол у камелька,
Отчаянно начала кричать,
Руками, ногами стучать...
Вдруг чей-то голос, как гром,

Раскатился из-под земли:
– Замолчи!
Убирайся прочь!
Не беснуйся,
А то – запру!
Дома нашего не порочь!
Люди добрые нас начнут хулить,
Будет нам стыд и позор! —
Тут в железном доме
Утихло все.
А потом
Под настилом каменных плит,
В подполье глубоком своем,
Зычный старческий голос
Протяжно пропел,
Такие слова произнес.

ГОЛОС СТАРИКА

Сам собрался, приехал к нам
Сын-исполин
Великой семьи.
Он ни с чем
Добром не уйдет,
Грозное оружие возьмет.
Богатырем его назовем,
С топором сравним,
С боевым мечом;
Он по важному делу к нам
Пожаловал издалека, —
Пóпусту такой богатырь
Пó свету не станет скакать.
Наконец, в наш дом он пришел —
Долгожданный,
Достойный гость!
От ожидания приезда его
Затылки одеревенели у нас,
От ожидания прихода его
Хребтины окоченели у нас.
В тот день, как он
Родился на свет, —
Необъятный ревущий
Небесный свод
Дрогнул,
Закачался волной...
Средний мир
По средине вздулся дугой,
Как трясина,
Весь всколебался он...
Страшный подземный мир
Расплескивался,
Как вода в турсуке...
И тогда молва
Прокатилась о нем:
«Родился, видать,
Исполин-богатырь,
Невиданный в трех мирах!»

Доставайте из погребов,
Подымайте на белый свет
Грозное оружие боев,
Грозную стальную броню!
С древних лет я оружие ковал,
Для мести ожесточал,

Великими чарами заколдовал,
Так и рвется на битву оно...

Положите горой перед ним
Оружье, что изготовили мы,
Выносите
Сверкающий серебром
Стальной, трехслойный
Щит боевой!
По плечу примеряйте
Кольчугу ему,
Облачите его
В боевую броню! —
Так вот, голосом громовым,
Под землей
Говорил великий кузнец...

* * *

Если слово узлом вязать,
Если все доподлинно рассказать —
Вышло много высоких черных людей,
Выше лиственниц,
Черней их теней.
Люди-тени пришли,
Из тьмы принесли
Оружье и доспех боевой;
Хватило бы оружия того
На долгую тревожную жизнь
Трех мощных богатырей.
Пред Нюргун Боотуром они
Положили доспехи горой,
Говоря: – Выбирай!
Все испробуй и осмотри,
Что по нраву, то и бери!
Все примерь,
Наилучший из всех
По плечу избери доспех;
Все кольчуги перетряси,
Ту, что выберешь, и носи! —

Богатырь не мог
В седле усидеть,
Прянул он с коня,
Ухватил рукою один доспех,
Мол, не годен ли для меня?
Только на ноги доспех натянул,

Только ноги в коленях согнул —
Разлетелся доспех на куски,
Рассыпался по земле.
Стал второй доспех примерять,
Руки вдел в кольчужные рукава;
Только голову всунул в шейный прорез,
Только на плечи натянул,
Да плечами повел —
Весь доспех железный
Треснул по швам,
Посыпался к богатырским ногам.

Третий доспех
Лежал, как гора;
Он с надеждой его схватил,
Проворно надел на себя
Просторный грузный доспех.
Будто латы кузнец для него ковал,
Будто швом стальным для него сшивал,
Ладно стан исполину
Доспех облек.
Потянулся Нюргун, сколько мог,
Выгнул спину,
Плечами повел.
Трехслойная кольчуга на нем
Не треснула, не разошлась;
Ни единая бляха с него
Булатная не сорвалась.
Чем круче он спину сгибал,
Тем крепче ратный доспех
Тело ему облегал.
Упругая, при повороте любом
Кольчуга растягивалась на нем
И стягивалась опять.
Не тесня, красовался на богатыре,
Как литой,
Доспех боевой.
Видно, он обрел, наконец,
Непробиваемую броню,
Боевую сбрую свою.

Меч он выбрал —
Длинный, прямой,
Наилучший среди мечей.
Было меча лезвие
Чарами напоено
Восьмидесяти восьми грозových
Мчащихся облаков.
У девяноста и девяти

Клювастых илбисов
Отбив
Железных клювов концы,
Сбили их в одно лезвие
Заклинатели-кузнецы.
Сваривали лезвие меча
На крови из печени льва,
Потом закалили его
Желчью зубастых рыб.
Стал таким блестящим булат меча,
Что за три перехода дневных
Видеть зоркий юноша мог,
Словно в зеркале, в этом мече
Отраженье губ своих и зубов.
Было сорок четыре
Чары в клинке,
Тридцать девять
Коварств колдовских...
Жажда мести
К нему приросла,
Смерть сама
В булате жила.
Илбисы – духи войны
Клубились вокруг него,
Садились на жало его.
Кровь горячая
Пищей мечу была.
Переливался кровавый закал
На широком его лезвие.
Он, как вызов на бой, сверкал —
Грозен и горделив.

Выбрал Нюргун Боотур копьё
С разукрашенным дрёвком цветным.
На рогатине длинной его,
На блестящем его острие,
Как огонь, метался,
Бился илбис.
Кровью черной питалось копьё;
Глядя на его лезвие,
Брови и ресницы свои
Девушка могла б издали,
Словно в зеркале, увидеть.

Красной крови горячей просило копьё;
Вкруг рогатины роем илбисы вились,
Вопили, в битву рвались.
Выбрал Нюргун Боотур
Для охот и утех боевых

Исполинский лук костяной,
Непомерно тугой на сгиб.
Этот лук в необъятный простор
Стрелы гремящие,
Стрелы разящие
Без промаха посылал.
Этот лук был велик,
Словно длинный изогнутый мыс,
Опоясывающий широкий алас,
Этот лук был велик,
Как излука большой реки.
Были склеены пластины его
Черной желчью
Зубастых рыб,
Красной кровью
Из печени льва.
Выточена основа его
Из ядра свилевых берез
Дальних туманных стран,
Из ядра железных деревьев
Дальних неведомых стран.
Из сухожилий и жил,
Вытянутых из брюха льва,
Скручена была тетива.
Силой свирепого духа войны
Был этот лук наделен.
Внедрился в его рога
Непобедимый илбис.
Обтянут берестой тугой
Заоблачных синих стран,
Грозным оружием был этот лук.
Были стрелы для лука припасены
Огромные, бьющие наповал,
Острые, словно рыба кость;
Были стрелы оперены
Маховыми перьями
Из крыла
Хотя Айыы орла,
Чей отец – Хомпорун Сюнг Хаан,
Орла, разящего клювом кривым.
Оглашающего простор
Клекотом громовым.
Наконечники стрел пылали огнем;
Было так много стрел,
Что в колчане рядами торчали они,
Как могучий кедровый лес.
С пронзительным воем любая стрела,
Пущенная с тетивы,
Долететь мгновенно могла

До верхних бурных небес.
Колотушки-палица там была
Из цельного дерева
С толстым комлем
В девяносто девять пудов.
Этой палицей
Было сподручно разить
По макушкам свирепых абаасы,
Адъараев толстые черепа,
Железные скулы их
Вдребезги разбивать.
Выбрал Нюргун Боотур
Эту палицу,
Этот лук.
Любуясь, поднял Нюргун
Боевой закаленный меч,
Воющий при взмахе, как вихрь,
Пылающий синим огнем,
Самый грозный из всех мечей.
По руке ему пришлась рукоять,
Сам просился огромный меч
Доспехи тяжелые рассекать,
Бить врага,
Как прорубь рубить,
Ратоборцев грозных разить,
В обе стороны
Пришлых косить.

Поглядим – каков был собою он,
Кто для подвигов был рожден
На верху высоких небес,
Прославленный в трех мирах
С высоким именем исполин,
О ком далеко молва разнеслась, —
Славнейший среди людей
Светлого рода айыы —
Добрых сердцем,
С поводьями на хребте,
Самый отважный среди людей
Солнечных племен
С жалостливой душой,
С поводьями за спиной.
Если снизу вверх поглядеть
На этого богатыря —
Огромен он, как утес,
Грозен лик у него,
Выпуклый лоб его
Крут и упрям;
Толстые жилы его

Выступают по телу всему;
Бьются, вздуваются жилы его —
Это кровь по жилам бежит.
Впалые у него виски,
Чутко вздрагивают
Нервы его
Под кожей золотой.
Нос его продолговат,
Нрав у него крутой.
Выпрямился его стан,
Будто еще негодует он,
Вспоминая недавний плен;
Кровь у него горяча,
Щеки впалые у него,
Скулы круты,
Губы остры.
Глаза у него горят,
Как два блестящих луча.
Вот каким он стал – богатырь,
Защитник людей уранхай-саха.

Лес из лиственниц молодых
До пояса не доходит ему,
А темя его головы
Касается верхних ветвей
Могучих лиственниц вековых.
Телом кряжист,
В плечах непомерно широк,
Наконец он в силу вошел,
Этот лучший среди людей.
Крепкие, мощные мышцы его,
Словно корни лиственниц вековых.
Голени прямые его,
Как два толстых длинных бревна
Из очищенных лиственниц молодых.
Локоть согнутый, как рычаг,
Как средний могучий сук
Изогнутой кедровой сосны.
Широкие ладони его,
Как две деревянных лопаты больших,
Вытесанные из цельных колод.
Остры, зорки его глаза,
Черные неподвижны зрачки.
А вокруг зрачков сверкают белки,
Как в уздечке серебряных два кольца,
Так они круглы и светлы.
Черные длинные брови его
У переносья сошлись,
Будто сшиблись рогами

Два черных быка.
Вид величественный у него —
Богатырская статья,
Исполинский рост;
Непомерная сила в нем.
Схожа верхняя часть его
С мечом иль рогатиной боевой.
Схожа нижняя часть его
С многозубою острой.
Строен станом, словно копье,
Стремителен, как стрела,
Был он лучшим среди людей,
Сильнейшим среди людей,
Красивейшим среди людей,
Храбрейшим среди людей.
Не было равных ему
В мире богатырей.
Если на небо он глядел,
Небо загораживал он;
Если плечи приподымал,
Солнце и луну закрывал.
Вот каков он был – аарт-татай!

Наконец-то день наступил,
Наконец исполнился срок,
Когда величайший из богатырей
Трех изначальных миров,
Этот воин, возвращенный, чтоб защитить
Обитаемый Средний мир,
Этот богатырь удалой,
Этот выкормыш озорной
Небесной Айыы Умсуур,
Стремительный Нюргун Боотур
Боевые доспехи надел,
Боевое оружие взял...
Ловко, быстро сел он в седло —
С гиком, будто птицею был,
Будто буйным небесным соколом был.
Так вот сел он плотно верхом
На своем – у края бурных небес
Стоя рожденном коне,
На летающем, как громовая стрела,
Вороном коне.

* * *

В это время

Подручные кузнеца —
Дюжие, жилистые сыновья,
Долговязые внуки его,
Поддерживая с трех сторон,
Подняли грозного
С крепкой судьбой, —
Из подземной кузни,
Где пламень пылал,
Выбраться наверх помогли —
Привели
Прославленного ковача,
Чье имя Куэх Эллемэй,
А иначе – Баалтааны,
А еще – Кытай Бахсылааны.
У него за тысячу лет
От жара металла,
От жара огня
Обгорели железные волоски
Густых ресниц и бровей,
Он глядел
Глазами цвета золы,
Слезы были на веках его;
На могучих руках,
На широкой груди
Белели ожогов следы.
Было в морщинах лицо кузнеца,
Как старое кожаное ведро;
Болталась, тряслась его голова,
Будто собрали ее
Из множества говорливых голов
Черных уток,
Озерных гусей...
К старости Баалтааны
Стал, как гагара, болтлив,
Пел он все, про что вспоминал,
Песни днем и ночью слагал.
Но теперь
Прервал он пенье свое,
Древние заклинанья свои,
Заповедные стал слова говорить,
Завещанье свое объявил.
Раскрыл он темный, глубокий рот,
Распахнул широкую пасть;
То открывал он рот во всю ширь,
То закрывал, пока говорил;
Железные ржавые зубы его,
Черные кривые клыки,
Похожие на сошники,
То и дело мелькали во рту.

Раскатистая громовая речь
Великого кузнеца
Ревела, как буря в горах,
Гудела, как ураган.

КЫТАЙ БАХСЫЛААНЫ

Буйаа-буйаа!!!
Буйака!!! Дайака!!!
Да будет тебе добро на века!
Да не прогнется толща земли
Под громадой благословений моих!
Эй, владеющий Вороным конем,
Стоя рожденным
На грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур!
Парой чутких своих ушей
Внимай моим вещим словам,
Вникай в их тайную суть,
Протяжное пенье мое пойми!

Вот я сам
Пред тобой предстал —
В подлинном обличье своем.
Это я – кузнец Баалтааны,
Это я – старик Барык Буурай...
Это мой – в дыму и огне —
Неумолчно молот стучит!
Это я – кузнец Куэйтээни,
Оружейник древний – Куэх Эллемэй...
Глубоко вздыхают мехи
В грохочущей кузне моей.
Это я – главарь ковачей,
Богатырь Кытатай Бэргэн,
Кытай Бахсылааны!
В красном зареве горна всегда
У меня наковальня звенит.
Сбрую ратную,
Бранный доспех
Ты избрал теперь для себя;
Я их для илбиса предназначал,
Для кровавой битвы ковал.
Трехслойную кольчугу ты взял,
Непробиваемую броню,
Сверкающую серебром;
Лучшую ты рогатину взял,
Лучший меч
Из моих мечей.
Оружие, избранное тобой,
Я для мести грозной ковал,
Неотрывно стоя на месте одном
Перед наковальней своей,

В течение жизни тройной
Трех долголетних людей...
Как зеница ока —
Мне этот булат,
Как десны моих зубов,
Я поил его кровавой слезой
Глаза левого моего,
Я поил его жаркой слезой
Глаза правого моего!
Я в своем поту булат закалил,
Закалял его,
Чарами заговорил!

Средь великой долины Кыладыкы,
Где, воя, кружится
Крылатый илбис,
Где, пылая красным огнем,
Рассыпается камень-сата,
Где прежде не жил никто из людей,
Там построил я для тебя
Огромный прекрасный дом
О тридцати покоях больших,
Чтобы ты поселился в нем!

Вот поэтому должен ты
Благодарностью нам воздать
За долгий упорный труд,
За изделия добротные
Наших рук,
За множество наших услуг...

Вспомни о нас,
Как вернешься домой!
В жертву за нас принеси
Лучших коней из своих табунов,
Чтобы удаганки камлали там,
Призывали милость для нас.

В день седьмой —
По седьмой луне —
Ты пошли нам
Стадо коров,
Ты пошли нам
Коричнево-черных быков,
С белым пятном
Посредине лба!
Если долго заставишь нас
Добрых твоих даров ожидать,
Может нас постигнуть беда...

Коль в ладони черные наших рук,
Заскорузлые от труда,
Ничего не положишь ты,
Пó локоть руки
Отсохнут у нас,
В крючья согнутся
Пальцы у нас...
Наши ногти вопьются
В ладони нам,
Мы не сможем молот держать...
Наши зубы, как черные сошники,
Отрастут,
Торча изо рта,
И загнутся потом,
И вонзятся нам
В черные скулы широких лиц.
Рта открыть нам будет нельзя,
И тогда мы все пропадем,
От голода отошаем,
Умрем.

Если замедлишь
С ответом ты,
Если забудешь нас,
Бедные наши глаза,
В обгорелых ресницах
Наши глаза,
Глядящие на дорогу твою,
Ждущие даров от тебя,
От жаркого раскаленного горна
Воспаленные наши глаза
По векам нарастами обрастут,
Закроются,
Слепнуть начнут,
Будем мы в слепоте умирать...

Вот для чего,
Сынок мой тойон,
О благодарности не забудь,
Заплати за наши труды поскорей,
Не подвергай страданиям нас!

Да будет жирной удачей тебе
Благословенье мое!
Восемь жизней живи,
Девять жизней живи!
И за весь безмерно долгий твой век,
Кто бы оружием тебе ни грозил,
Ты не страшись никого!

Сокруши врагов
И смерти не знай,
Пусть тебя стрела не сразит,
Пусть тебя копье не пронзит!
По отточенным остриям,
По рогатинам, по острогам
Невредимо всюду пройди,
Растягиваясь, не рвись,
В хребте не переломись!
Так живи, чтоб за долгий век
Упрека не заслужить,
Чтоб от равных тебе
Хулы не нажить,
Чтобы людям обиды не причинить,
Чтобы все восхваляли тебя,
Чтоб не порицали тебя...

Да будет обилен молочный скот
В обширных загонах твоих,
Да будут счастливы потомки твои
В изобильном доме твоём!
Пусть твой род
Счастливо и долго живет! —

Так Нюргун Боотура великий кузнец
Прощаясь, благословил.
Широко дышала могучая грудь,
Протяжная смолкла песнь.

* * *

Простился Нюргун с кузнецом,
Пустился в обратный путь;
От края огненного жерла
Открытой пасти подземных бездн
Оторвался он...
Миновал
Сумеречную страну.
Проскакал по зыбучей земле,
Расплескал трясину мертвой воды...

Богатырский конь стрелою взлетел
На восьмиутесистый перевал,
Девяносто вихрей подняв.
Семь ветвистых молний,
Высь бороздя,
Брызнули из-под копыт...

Быстро Нюргун Боотур поднялся
На покрытую тучами высоту,
На могучее темя средней земли,
На вспученную печень ее.
Тут осадил он коня,
Остановился на высоте,
Взглядом обвел необъятный простор,
В дымке тонущий кругозор
Восьмикрайней
Восьмибодной земли.
Будто весь мир хотел охватить,
Руки широко распростер,
Грозное поднял копье
К торжествующим небесам,
Блистающий меч занес
К вихревым, бушующим небесам,
Как птица-беркут, крича,
Как небесный орел, клекоча,
Как тигр, издавая рев,
Как лев свирепый, рыча,
Он взывал к сильнейшим богатырям
Трех изначальных миров,
Он их вызывал на бой,
Голосом громовым своим
Пел он песню илбиса —
Духа войны...

НЮРГУН БООТУР

Эй вы,
Эгей!
Иль не долетела до вас
Зычная слава моя,
Что ревела, как дикий бык,
На перевалах горных дорог?
Или толком не докатилась еще
Толстая, гулкая слава моя
До темных ваших дорог?
Вот я сам – отовсюду видимый вам,
На высочайшей горе,
На темени мира стою,
Древнюю песнь илбиса пою,
О времени будущем говорю,
О жребии великом своем!
Грозные бои предстоят,
Небывалые грозы идут...
Выходите! Я вызываю вас
На единоборство со мной!
Эй, перевала горного дух,
Владыка обвалов, лавин,
Коварный Хаадыат Могол
Эй, хозяйка крутых девяти
Идущих по льду дорог,
Ведущих в пропасть дорог,
Где на гибель путники обречены,
Свирепая Буомча Хотун!
Бойтесь, видать,
На меня нападать,
Бурей в лицо дохнуть,
Стужей оледенить?..

Где он – исполин
Бесноватых высот,
Кривых, вихревых небес,
Кровожадный Уот Усуму?
Что ко мне не спускается он
По кровавой дороге своей,
По перевалу Кээхтийэ?
Где ж он, исполин
Подземных глубин,
Вертящийся против солнца вихрь,
Эсэх Харбыыр,
Тимир Дьигистэй?
Что же он бурей не налетит,

Рогатиной шею мою не пронзит?
Знать, не может он заарканить меня,
Силу мою сокрушить?

А где же он – великий главарь
Рода Ап-Салбаныкы,
Оборотень, прославленный вор
Алып Хара,
Аат Могойдоон?
Железные зубы и когти его
Вовсе притупились, видать,
Оттого, что грызет он железных рыб
Из подземных своих болот?
Давным-давно я слышал,
Что на западном желтом склоне небес,
На нижнем его морозном краю,
Родился у вас богатырь,
Который живет в глубине
Бездонного моря Муус-Кудулу.
Говорят, выходит он по ночам,
Подкрадываясь, как вор,
На обросших шерстью подошвах своих...
Говорят, что у оборотня того
Восемьдесят восемь личин,
Девяносто девять еще
Уловов есть у него;
Слышал я: имя его —
Уот Усутаакы.
Говорят, он могуч и свиреп,
Где же он, почему не выходит он?
Давно родилось желанье во мне
Через отверстие его очага
Заглянуть в потаенную глубину
Железного жилища его.
Я пойду по его горячим следам,
Я пойду по его холодным следам,
Выслежу его!

Эй, зачинщик смертных боев,
Сбоку умеющий налетать,
Ловкач по темени бить,
Череп крушить,
Челюсть ломать,
Стремительный, как степная пурга,
С тремя тенями
Старший мой брат,
Страшный Нерюйэ Харбас,
Оглянись на меня,
Улыбнись

Зубастой пастью своей,
Свирепый Осол Уола!

И ты, сосущая соску свою,
Огромную, как сосна,
Летающая на черных крылах,
Терзающая врага
Крючьями железных когтей, —
Убийства дух
Илбис Кыыса,
Ты – налетающая, визжа,
Ытык Кыймылыын,
Тиил Тиллинньэх,
Ты – затевающая раздор,
Хлопающая в ладони свои,
Грозная Холбонной Куо,
Черная сила, кровавая пасть,
Страшная наша сестра!
Оглянись на меня,
Улыбнись!
С бурного неба
Зову беду,
Из Нижнего мира
Зову вражду!
Кричу об этом,
Мычу, как бык...
Слышали, поняли вы меня?
Помогите мне,
Чтобы голос мой
Далеко летел,
Бубном гудел,
Бубенцом гремел!
Пусть в моих жестоких руках
Поселится грозный илбис!
Пусть огромная, черная
Слава придет,
Пусть над землей прогремит
Слава и торжество! —

Так он Верхнему миру кричал,
Так он Нижнему миру ревел,
Вражду вызывал,
Врагов подымал.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Владеющий Вороным конем,
Стоя рожденным
На грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур
Великого кузнеца
Щедро вознаградил
За оружие и броню
И воротился домой.

Только трудно было богатырю
С братом, с сестрой
Праздно сидеть
Перед горящим огнем
Священного очага
В теплом гнезде обжитом.
Пить он и есть перестал,
Часто начал из дому выходить,
Прислушиваться,
Присматриваться —
Не дохнет ли бурей
Верхний мир,
Не пахнет ли стужей
Нижний мир.
Ходит он, бывало, и ждет —
Не блеснет ли молния в высоте,
Не гроыхнет ли гром...
Ждет – не появится ли перед ним
Рожденный в годы вражды
Оборотень о трех теньях,
Невидимка – подземный вор,
Вертящийся против солнца вихрь,
Эсэх Харбыыр —
Тимир Дыгистэй?

Обуянный думой своей,
Стоял Нюргун Боотур,
К медному столбу прислонясь,
На котором сидел орел.
Три дня и три ночи Нюргун
У коновязи стоял,
На хмурый северный небосклон,
Как острие копья,
Пристальный взгляд устремив.

А сестра его

Айталын Куо —
Красавица с восьмисаженой косой,
Ласковое дитя,
Жаворонок золотой,
Медногрудная синичка небес,
Отрада улуса айы,
На брата старшего робко глядя,
Стала думать и горевать:

– Или плохо я мясо варю,
Или конские ребра у нас не жирны,
Иль не крепок выдержанный кумыс,
Что он не ест и не пьет,
Что дома он не сидит?
Почему он угрюм,
На что он сердит?
Что он места себе не найдет? —
Так думала Айталын Куо,
Не ведая – чем ему угодить,
А сама робела спросить.

На исходе третьего дня
Богатырь Юрюнг Уолан,
Надев серебряный свой доспех,
Опираясь на свой сверкающий меч,
Что ковал кузнец Таканаан,
Закалял кузнец Кэкэнээн,
Выправлял кузнец Кэнэгэ,
Отточил кузнец Аалыс Луо,
Бранным красуясь
Убранством своим,
Прекраснейший юноша в роде айы,
Брат Нюргуна-богатыря
Вышел из дому на широкий двор,
К брату старшему подошел,
Блистающий небесным огнем
Взгляд на него устремил
И такое слово
Молвил ему.

ЮРЮНГ УОЛАН

Если братом тебя называть,
Ты мне – старший брат,
Если отцом величать,
Ты мне – второй отец!
Если гневаешься —
Укроти свой гнев,
Погляди на нашу сестру:
Нашего ока зеница она,
Наших зубов десна...
Жаворонок звонкоголосый наш,
Пташечка золотогрудая наша,
Дитя Айталыын Куо,
Видя угрюмость твою,
От печали стала больна!

В трех мирах найдется ли кто-нибудь,
Кто осмелился бы
На таких, как мы,
Великих богатырей —
Не то что руку поднять,
Не то что оружием грозить,
Кто осмелился бы перед нами стать,
Прямо нам в глаза посмотреть?
Отчего же встревожен ты,
А, быть может, предчувствуешь ты
Угрозу неведомую для нас?
Открой нам думы свои.
Третий день ты совсем не заходишь в дом,
Чуждаешься наших бесед,
Не садишься с нами за стол... —
Так он тихо, сердечно сказал
Прочувствованные слова.
Богатырь великий Нюргун Боотур
Не сдвинулся с места в ответ,
Взгляда, устремленного вдаль,
В сторону не отвел,
Лишь наклонился чуть-чуть головой
К брату младшему своему
И такое слово сказал.

НЮРГУН БООТУР

Ничего ты не знаешь,
Милый мой брат...
Близится грозный час,
Когда враг налетит на нас,
Нагрянет со всех сторон!
Позавидует нашей удали он,
Позарится на наше гнездо,
За то, что посланы мы,
По воле вечных владык,
Охранять племена айыы,
Поддерживаемые с высоты
Поводьями солнечными за спиной.

За это возненавидят нас,
Налетят, нападут на нас
Верхнего мира абаасы,
Кровожадные, алчные богатыри,
Злые духи о трех остриях;
Из подземных бедовых бездн
Знаменитые адьараи придут,
Чудовища о шести остриях.

На вороном своем скакуне
По вершине мира я проезжал,
Громко я вызывал на бой
Всех ненавидящих нас,
С которыми спора не избежать!
Вызывал я врага,
Выкликал на брань.
Ведь окрепли руки мои,
Ведь могучи стали плечи мои,
Я могу великую битву принять,
Которой не миновать.
Сон приснился мне третьего дня:
Сеющая раздор
Свирепая Илбис Кыыса
И с нею – дух вражды,
Смерть несущий Осол Уола,
Пронзительно вопя и крича,
Кружились над головою моей;
Ликовали буйно они,
Подавали грозную весть:
– Чтобы славу громкую растоптать,
Имя высокое истребить
Нюргуна-богатыря,

Подымается из подземных бездн
Рожденный в погибельные времена
Ночной разбойник о трех тенях,
Исполин Эсэх Харбыыр,
Богатырь Тимир Дьигистэй!.. —
Так рассказывал сон Нюргун Боотур:
– После этого, с западной стороны
Поставленной на железных столбах
Твердыни средней земли,
Из-под желтого склона закатных небес
Прилетела на звучных крыльях своих
Белоснежная птица-стерх —
Красные ножки,
Граненый клюв,
Черная кайма на глазах;
Покружилась она над нашим жильем,
И, паря над моей головой,
Голосом звонким своим
Пропела такую песнь:

– Посланные судьбой
Постоять за народ айыы-аймага,
Погибающий в неравной борьбе
С племенами абаасы!
С доброй славой богатыри,
С высоким именем удалцы,
О помощи вас молю —
Опорою станьте мне,
Защитите светлую душу мою,
Продлите черную нить
Мучительной жизни моей!
Коль хотите знать,
Кто это поет,
Человеческим голосом говорит,
Я отвечу вам:
Я – слезинка, выплаканная бедой,
Я – стон, рожденный тоской,
Превращенная в птицу душа
Лучезарной
Туйаарымы Куо,
Чей отец – Саха Саарын Тойон,
Чья мать – Сабыйа Баай Хотун...

Похищенная давно,
Брошенная в подземную тьму,
Я раз в три года вольна
Превращаться в белого журавля
И, пролетев над средней землей,
Напоминать о себе,

О помощи взывать...
Да некому меня защитить,
Из плена освободить!

О, если бы мне хоть раз
На прекрасного юношу поглядеть,
Нареченного быть супругом моим,
Юрюнг Уолана-богатыря,
Обещанного мне
Божественным Дьэсегеем самим
И матерью Айыысыт!
Если бы мне хоть раз
Увидать его —
Жениха моего,
Летающего высоко
На Мотыльково-белом коне,
Счастливой бы себя я сочла,
Спокойно бы умерла! —
Так пропела мне птица-стерх
И пропала...
Проснулся я.

Недостойно тебя,
Дорогой мой брат,
Спокойно дома сидеть!
Опери себя,
Как стрела-кустук,
Наберись отваги и сил,
Попробуй пробить свой широкий путь
О девяти изгибах крутых,
Попробуй открыть дорогу свою
По восьми перевалам неведомых гор!

Коль настигнет беда в пути,
Коль наступит черный твой день,
Коль померкнет живое солнце твое,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.